

**Методические материалы для работников и руководства
образовательных организаций по противодействию распространения
экстремизма в молодежной среде**

Введение

Проблема профилактики и противодействия экстремизма в подростковой и молодежной среде становится все более актуальной в последнее время. Актуализация этой проблемы связана как с распространением экстремизма, ростом террористических организаций по всему миру, в том числе и в России, расширением процесса глобализации, одним из негативных следствий которой является увеличение миграционных процессов, необходимостью взаимодействия людей разных культур, что часто приводит к усилению ксенофобии и нетерпимости, а также с появлением значительного числа каналов (как печатных, так и электронных) распространения информации и рекламы, носящих открыто экстремистский характер. Не меньшее значение имеет и тот факт, что социальная нестабильность и эмоциональное отдаление детей от родителей, разрыв межпоколенных связей, облегчает для агентов террористических организаций вербовку молодых людей. Факторами, которые становятся ведущими для профилактики экстремизма, являются как методологические основания борьбы с ксенофобией и экстремизмами, так и знание об основных закономерностях воспитания и социализации современных подростков и молодежи, которые помогают преодолеть их девиантность и асоциальность, эмоциональную нестабильность, и, тем самым, существенно снизить риски распространения экстремизма.

**1 Методология управления рисками ксенофобии с целью профилактики
экстремизма в подростковой и молодежной среде**

Проблема социализации и воспитания современных подростков с целью предупреждения проявлений ксенофобии и экстремизма, предполагает несколько направлений, иерархичность которых определяется степенью разработанности программ и путей научно-практической деятельности и четким осознанием целей и задач этой деятельности. Поэтому, прежде всего, встает две проблемы, связанные именно с осмыслением ситуации: 1. осознание специфики социализации в современном мире; 2. понимание социально-психологических и индивидуально-психологических особенностей современных подростков и молодежи.

Без ответа на эти вопросы сама по себе практическая деятельность может быть и не совсем безрезультатной, но будет похожа, говоря словами Л.С. Выготского, на коррекцию «снизу вверх», то есть устранением текущих, явно видных проблем и отклонений в поведении и учебе, а не выявлением и профилактикой их причин. Диалектическая коррекция, коррекция «сверху вниз», связана, как писал Выготский с зоной ближайшего развития, с развитием человека как личности в современной культуре.

Поэтому представляется, что одной из важнейших является деятельность, направленная на изучение особенности современной культуры и социальной ситуации развития подростков и молодежи, на основе чего должна выстраиваться методология воспитания личности – а затем – технологии этого воспитания. Данная логика работе не исключает, конечно, практических действий по созданию программ воспитания и неформального обучения (в том числе в семье, в досуговых центрах и т.д.).

Современная социальная ситуация диктует необходимость становления активной и гибкой жизненной позиции, стимулирующей людей к использованию всех имеющихся у них потенциальных способностей для самореализации и личностного роста в рамках тех социальных условий и той культуры, в которой они растут и развиваются.

Расширение границ индивидуальной активности и избирательности в процесс вхождения в социум, позволили перейти от понятия адаптации к понятию социализации, которая рассматривается как взаимодействие ребенка и взрослого, при котором общество предъявляет человеку определенные нормы, но не настолько жестко, чтобы исключить возможность их вариативного использования и некоторой трансформации в определенных, разрешенных обществом, границах. Еще одним важным моментом, усиливающим возможность личностной избирательности и активности в процессе социализации, является наличие различных социальных и культурных групп с достаточно серьезно отличающейся нормативностью в поведении, общении, ценностях, что дает человеку дополнительные возможности в процессе категоризации – то есть в процессе поиска соответствующей его стремлениям, интересам и индивидуальности группы.

Положение о культуре как образующей личности (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский) открывает пути для исследования процесса социализации в современной изменчивой и неопределенной ситуации, которая умножает точки

бифуркации в развитии личности и дает основания для появления множественности аспектов «Я» в разных ситуациях и разных группах.

Положение Г. Г. Шпета о культуре как образующей личности открывает пути для исследования процесса социализации в современной изменчивой и неопределенной ситуации, которая умножает точки бифуркации в развитии личности и дает основания для появления множественности аспектов «Я» в разных ситуациях и разных группах (Шпет, 2007). Г. Шпет подчеркивал, что культура и, особенно, искусство остаются неизменными даже тогда, когда меняются быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной ситуации человека. Это постоянство и выделяет культуру как фактор, помогающий «восстановить связь времен», именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, как часть социальной, этнической и личностной идентичности, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя. Культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Так формируется одна из важнейших составляющих структуры самосознания личности - «Я - культурный человек» (Шпет, 2007).

Важный момент связан с тем, что включение в социальную идентичность культуры как фактора стабилизации дает возможность в меньшей степени использовать в качестве такого фактора этническую идентичность, которая также дает укорененность и уменьшает неопределенность настоящего и будущего. В современной ситуации этот вопрос приобретает исключительную важность, так как включение этнической идентичности как стабилизационного фактора во многом становится причиной нетерпимости к другим народам и социальным группам. Это доказывает и реальность нашего времени, когда социальная нестабильность в многонациональных государствах проявляется в обострении национальных конфликтов. Возможно, что межнациональные конфликты становятся обратной стороной тех процессов глобализации, которые характерны сегодня и для Европы, и для мира в целом. Опасения раствориться в мировой культуре, потеряв свою национальную специфику, фрустрация потребности в этнической идентичности (особенно, в позитивной идентичности), усиливает недоверие к другим народам, негативное отношение к ним. Как показывают исследования, подобные конфликты особенно непримиримы, когда формирование социальной идентичности начинает происходить преимущественно на основе национальной составляющей идентичности, в то время как доминирование культурной идентичности повышает

технически, информационно, социально, экологически принципиально отличающейся от той, что существовала на протяжении столетий.

Трудности и отклонения, возникающие в процессе психического развития в настоящее время, осложняются теми изменениями, которые происходят в российском обществе, изменениями, касающимися всех сторон окружающей действительности – политической, экономической, нравственной. Новая социальная ситуация способствовала трансформации содержания норм и ценностей, казавшихся устойчивыми и укорененными в общественном сознании. Кардинальный и противоречивый характер происходивших и происходящих в настоящее время изменений привел к появлению неопределенности в социальных ожиданиях людей и амбивалентности в их отношении к ценностным ориентациям и нормам. Следствием этого стали негативные изменения в содержании социальной идентичности старшего поколения, и, как следствие, сложности трансляции норм и ценностей поколению подрастающему. Поэтому представляется важным в первую очередь определить содержательное наполнение основных категорий современной психологии развития, а также понять особенности и закономерности психического развития современных дошкольников, выделив его возможные риски.

Трансформация социального пространства развития современных детей приводит к существенным изменениям задач развития уже в дошкольном детстве, что проявляется не только в познавательном и личностном развитии дошкольников, но и в системе их общения и взаимодействия с миром взрослых. Поэтому одной из центральных проблем современной психологии развития является анализ социального пространства современного детства, содержания личностной, социокультурной и гражданской идентичности детей, соотношение процессов социализации и индивидуализации. Современная социальная ситуация, прогрессивное развитие общества диктует необходимость становления активной и гибкой жизненной позиции, стимулирующей детей к использованию всех имеющихся у них потенциальных способностей для самореализации и личностного роста в рамках тех социальных условий и той культуры, в которой они растут и развиваются. Поэтому на первый план в настоящее время выходит проблема социализации в разных контекстах и дискурсах.

Исследования процесса социализации в условиях неопределенности требует особого методологического подхода, в качестве которого может выступить совокупность методологических принципов и постулатов культурно-исторической психологии и постмодерна. Культурно-историческая парадигма в гуманитарных

науках (философия, психология, лингвистика) предполагает включение социализации в культурно-исторический контекст и сопряжение процесса вхождения в социум с инкультурацией и индивидуализацией. Таким образом, частично преодолевается и феномен социальной неопределенности, так как культура задает значительно более четкие и устойчивые рамки социализационного процесса, также как и более ясные и постоянные эталоны и объекты идентификации (например, исторические и литературные персонажи). Важным моментом культурно-исторического дискурса является и учет языка как важной детерминанты социализации (Гумбольдт, Потебня, Шпет), при этом изменения внутренней формы слова и языковых значений объективируются трансформациями, происходящими в культуре.

Роль языка в процессе становления социокультурной идентичности неоднозначна. По-видимому, можно говорить о взаимосвязи языка, культуры и идентичности (социокультурной, этнической, личностной, групповой и т. д.). С одной стороны, есть много примеров того, как люди, говорящие на неродном языке, считали своими культуру, народ, язык которого знали плохо. Язык оказывает существенное влияние не только на этническую, социокультурную, но и на групповую идентичность. Групповая и социальная идентичность выражается, например, в лингвистических оборотах, синонимах, качестве самоописаний, раскрывающих (и выдающих) социальную принадлежность человека. Б. Шоу в пьесе «Пигмалион» писал, что нуворишей выдает именно речь, они бы хотели забыть свое социальное происхождение, но оно напоминает о себе, стоит им только раскрыть рот. Это очень ярко проявляется и особом языке, который часто используют принадлежащие к неформальным объединениям подростки и молодежь.

Не меньшее значение лингвистическая идентичность имеет при построении взаимоотношений людей, говорящих на разных языках, в условиях постоянного общения, например, в современных мегаполисах. При этом, можно говорить о том, что потребность в родном языке, являющемся миноритарным по отношению к языку большей по численности группы населения, особенно в ситуации совместного проживания разных народов, актуализируется в определенных обстоятельствах, связанных с ущемлением (реальным или мнимым) статуса данного языка. При этом у его носителей может развиваться стигматизированная, негативная или мнимая идентичность. Однако такая картина наблюдается, обычно, только у незначительного числа людей, так как сознательного и повсеместного принижения статуса родного языка не происходит. В то же время утрата этим языком многих

толерантность. (Т.Д. Марцинковская. История, культура... как образующие историко-генетической парадигмы. КИП. 2015. Наверно, это можно включить и в публикации по отчету???)

На развитие современных концепций социализации большое влияние оказывает и современная ситуация неопределенности, которая приводит к необходимости разработки новой методологии и новых методов исследования как социализации, так и содержания социальной и личностной идентичности. Это связано с тем, что характерной чертой неопределенности является тот факт, что причинно-следственные отношения не всегда могут предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как отреагирует даже на знакомые раздражители, при этом объективация мотивов поведения человека не может уже полностью соотноситься с поступком, как феноменом личности

Конструкционистская парадигма, в рамках которой можно говорить о трансформации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего, так как если люди уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию, и на основе этого выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего. Последние исследования в области социальных представлений (С. Московиси), работы П. Бергера, Т. Лукмана, К. Гергена, доказывающие, что человек в значительной степени сам конструирует окружающую социальную действительность еще больше расширили границы личностной активности в процессе социализации, показав, что это по-настоящему творческий процесс.

Это понимание социализации адекватно соотносится с понятием Э.Баумана «текущая современность». Эта позиция исходит из того, что при «жесткой культуре» возможны определенные, жесткие нормы, правила и институты социализации, четко определяющие технологии и результаты воздействия взрослых на подростков. Современная многомерная культура предполагает «жидкую» социализация, в которой возможно много аспектное и не направленное воздействие, а результат может быть отсроченным, латентным.

Прежде всего, необходима разработка новой методологии и новых методов и технологий исследования, диагностики и коррекции психического развития детей. Методологические проблемы особенно важны для современной психологии детства в связи с теми кардинальными трансформациями, которые происходят во всех сферах жизни детей, как в нашей стране, так и во всем мире. Необходимо помнить о том, что современные дети и подростки живут в совершенно другой среде –

функций в ситуациях широких и/или официальных контактов людей, проживающих в большом городе, безусловно, имеет место. Негативная личностная феноменология, как показывают эмпирические данные, возникает только при появлении собственно личностных проблем, часто даже не связанных с фрустрацией потребности в языке или лингвистической идентичностью. Это часто приводит к обоюдной агрессивности и/или отчуждению молодых людей от большой группы людей, проживающей в мегаполисе и формированию ксенофобии. (Марцинковская Т.Д., Сиюченко А.С. Идентичность как фактор социализации в мультикультурной среде. Вопросы психологии 2014, №6, с. 1-12).

Важное значение для понимания как особенностей социализации в мультикультурной среде, так и для осознания роли семьи и социального окружения в этом процессе, имеют результаты исследования, в котором изучались особенности социализации подростков из разных этнических групп, проживающих в мегаполисе. В исследовании приняли участие подростки 9 этнических групп (русские, армяне, евреи, белорусы, чеченцы, монголы, украинцы, казахи, осетины) в возрасте 15-16 лет. Семьи большинства подростков (92,6%) проживают более 10 лет в данном регионе и 64,9% подростков родились в г. Москве и Московской области.

Полученные в проведенном исследовании материалы дают основания для выделения трех уровней детерминации процесса подростковой социализации в современном большом и мультикультурном пространстве. Это пространство большого города, которое предоставляет чрезвычайно широкие коридоры позитивной социализации, позволяющие большинству ребят найти свою группу идентичности и социализироваться в ней. Мегаполис не только дает возможность широкого выбора сфер социализации и групп идентичности, но может рассматриваться как транслятор общекультурных и гражданских ценностей, эталонов и норм.

Второй детерминантой являются задачи развития, которые объединяют подростков разных этнических групп и связаны на этом этапе онтогенеза со стремлением осознать себя, свою индивидуальность и свои ценности. Это стремление также детерминирует поиск разных групп идентичности, становление разных стилей социализации и, в конечном итоге, развитие позитивной социализации, как в выбранной группе, так и в обществе в целом.

Социализация также детерминируется ближайшим окружением подростка, его семье и близкими родственниками. Это определяет разницу в отношении к семье, родным и друзьям у подростков разных групп, доминирование различных аспектов

социальной идентичности, особенности взаимодействия и построения доверительных отношений с людьми, в частности, с друзьями и семьей. Роль семьи в этом случае можно рассматривать как транслятора не столько общекультурных, сколько этнических ценностей и эталонов поведения.

Гармоничное взаимодействие всех уровней детерминации обеспечивают гибкость и вариативность паттернов социализации практически всех подростков, что является особенностью, определяемой не столько их индивидуальностью, сколько спецификой социального пространства мегаполиса. Наличие множества субпространств и, соответственно, групп членства и референтных групп, дает возможность самореализоваться (или хотя бы предъявить себя) в разных сферах в рамках разных групп и разных видов взаимодействия с различными межличностными дистанциями и способами самопрезентации. Поэтому все подростки, участвовавшие в проведенном исследовании, хорошо социализированы и чувствуют себя достаточно комфортно.

Полученные материалы также показывают, что для становления просоциального стиля жизни в мультикультурном окружении, крайне важны разнообразные социокультурные и этнические паттерны социализации, которые дают возможность реализации личностных, профессиональных и возрастных потребностей подростков разных этнических групп. Для развития такого сценария социализации наиболее благоприятны социальные пространства, предоставляющие подросткам широкие возможности идентификации и социализации в нескольких разнообразных группах.

(Марцинковская Т.Д., Чумичева И.В. Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве. Психологические исследования. Февраль. 2015)

Таким образом, можно констатировать, что важным достоинством методологии постмодерна является гибкость и изначальная ориентация на изменения. Если в классической методологии картина научного знания достаточно жестко задана и изменение этого «гештальта» возникает в исключительных случаях, а именно: в ситуациях смены парадигм, то важным качеством методологии постмодерна является возможность критического осмысления категорий и принципов в меняющихся (неопределенных) социальных контекстах. Этот факт представляется крайне значимым при проведении исследований процесса социализации современных детей, так как неопределенность и изменчивость паттернов развития дошкольников в этом случае сопрягается с ситуацией

социальных изменений, задающих широкую вариативность процесса социализации, его направленности и нормативности.

Гибкость и вариативность постмодерна в сочетании с четкими культурными эталонами, установками и объектами идентификации дают основания для сопряжения процессов социализации и индивидуализации, что является крайне актуальным уже в дошкольном возрасте. Поэтому в эмпирических исследованиях крайне важно изучить проблему изменчивости/устойчивости различных параметров социализационного процесса, что даст возможность прояснить вопрос активности и креативности в условиях современного нормативного пространства и проанализировать вариативность индивидуальных траекторий социализации детей во взаимосвязи и взаимозависимости с разнообразием организационной культуры дошкольных учреждений и ценностей семьи.

Для понимания специфики современной ситуации, частично связанных с распространением агрессивности, ксенофобии и экстремизма, необходимо помнить о том, что направленность социализации, несомненно, имеет связь и с национальной культурой, и с особенностями социальной ситуации развития современных российских подростков. Представляется, что нарастание маскулинности в нашей, как отмечал Н.А. Бердяев, женской ментальности, сейчас принимает лавинообразный характер. Если исходить из того, что многие подростки и юноши рассматривают любую конфликтную ситуацию как ситуацию, в которой необходимо обязательно победить, чтобы быть замеченным, построить карьеру и т.п., то не вызывают удивления и то, что при этом становятся важными определенные способности, помогающие не столько реализовать, сколько показать себя.

Еще одним важным аспектом методологии предотвращения ксенофобии и экстремизма, является анализ границ и возможностей гармоничного сочетания процессов социализации и индивидуализации. Современные подходы к проблеме социализации и индивидуализации дают возможность связать в единое целое стремления человека к социализации, укорененности в определенной группе, и индивидуализации, сохранению своего стиля деятельности и общения, позволяющие достичь наиболее полной самореализации человека. При этом процесс вхождения человека в социум (и вхождение ребенка в мир взрослых, и мигрантов в новую социальную и культурную среду) рассматривается как взаимосвязь категоризации разных групп, из которых состоит социальный мир, и

самокатегоризации, подразумевающей осознание своего «Я» и поиск наиболее адекватных для данного человека групп идентичности.

В настоящее время актуализируется интерес к проблеме личности, к вопросам развивающего обучения (в век научно-технического прогресса это неизбежно), но не столько к усвоению готовых знаний, сколько к формированию познавательной мотивации, креативности, к развитию способностей учиться и формировать новые знания, переосмысливая уже имеющиеся понятия. Возрастает интерес и к проблеме воспитания, морального развития, социализации детей, что связано, как и прежде, с актуализирующейся в обществе потребностью в новых системах воспитания в новой, нестабильной (экономической или идеологической) социальной ситуации, нарушающей целостность социокультурной идентичности людей.

Важным моментом, который необходимо учитывать в содержании и форме образовательной и воспитательной деятельности, является создание активной среды для подростков и молодежи, необходимой для самореализации в XXI веке. Поэтому необходима не просто разработка, но конструирование программ и направлений образовательной деятельности, отображающих процесс конструирования новой социальной действительности.

1.1 Специфика социализации в современной социальной ситуации

Проблема социализации, являясь междисциплинарной, на протяжении длительного исторического периода остается объектом внимания представителей разных наук. Обогащение и развитие научных представлений о процессе и механизмах социализации происходит в результате получения новых данных в социологии, педагогике, политологии, культурологии, разных отраслях психологии (психологии развития, акмеологии, социальной психологии, этнической психологии, педагогической и других.). При этом большинство исследователей признает, что содержание, формы и способы социализации тесно связаны с социальными, культурными и экономическими условиями, которые в современном мире подвергаются значительным изменениям. Поэтому существуют запросы как общества в целом, так и фундаментальных и прикладных наук в понимании современных особенностей процесса социализации на разных этапах онтогенеза. Необходимо отметить и тот факт, что междисциплинарный характер проблемы социализации в разных ее аспектах диктует возможность и необходимость ее рассмотрения в разных парадигмах и в разных дискурсах, включающих и когнитивные аспекты обучения и воспитания, и индивидуально-личностные, и социальные.

В сложном, многоаспектном процессе социального развития ребенка можно выделить две стороны:

Во-первых, процесс социального развития предполагает постепенную ориентировку ребенка в существующей на данный момент в обществе системе социальных ролей.

Во-вторых, процесс социального развития связан с формированием социального самоопределения и социальной идентичности.

Для характеристики процесса социального развития и активного вхождения человека в систему социальных связей используется понятие социализации.

В этом понятии фиксируется как пассивный процесс социальной ориентировки и усвоения социальных нормативов (социально-психологическая адаптация), так и момент активного преобразования человеком и применения им в новых социальных ситуациях усвоенных ранее социальных ролей, норм, ценностей, способов социального самоопределения.

Таким образом, социально-психологическая адаптация является одной из сторон социализации, акцентируя внимание на необходимости усвоения входящим в социум ребенком значимых для этого общества норм, ценностей, эталонов. Пассивность в данном случае нельзя переоценивать, так как речь идет о том, что человек не меняет, но усваивает транслируемые обществом (взрослым) правила поведения и ценности. Однако, даже в случае адаптации, необходима интериоризация ребенком транслируемых взрослыми эталонов и превращение их в собственные мотивы поведения.

Активная социализация предполагает не только такое пассивное принятие определенных норм и правил поведения, но и их активное использование, то есть выработку определенных знаний и умений, адекватно применяемых человеком в данной социальной действительности. Активность социализации проявляется и в том, что человек может выбрать подходящую именно для него группу идентичности, в которой и будет проходить его дальнейшая социализация. При этом в случае обоюдного принятия человека и группы, возможно и активное преобразование отдельных (даже первоначально значимых для данной группы) норм и эталонов.

Особенно актуальной и значимой проблема социализации является для поколения, только вступающего в жизнь, для которого процесс становления идентичности (как социальной, так и личностной) совпадает с процессом социализации в целом. Если для старшего поколения стремление к замене

утерянных социальных идеалов новыми, связано со стремлением к восстановлению нарушенной картины мира, то для подростков – со стремлением к созданию картины своего мира, одновременно похожего и не похожего на мир взрослых, который подростки одновременно считают и своим, и чужим. В этом плане поиск своей личностной уникальности, ее содержания и структуры непосредственно связан с рефлексией жизненных планов, целей и путей самоопределения.

В связи с этим возникает настоятельная потребность в изучении процесса присвоения подростками, юношами и девушками своего индивидуального и культурно-исторического прошлого и способности аутентично конструировать свое будущее. При этом огромное значение имеет анализ причин неприятия или пассивного отторжения подростками той культуры, тех нравственных эталонов и оценочных категорий, которые являются значимыми для его социального окружения. Таким образом, актуальность исследования процесса социализации наиболее высока в подростковом и юношеском возрасте, так как совпадает с процессом их осознания себя и своего места в мире.

Конечной целью изучения факторов, влияющих на становление индивидуального просоциального стиля жизни, является анализ условий, способствующих интериоризации, то есть присвоению социальных норм и ценностей. Это связано с выработкой нового отношения, переживания новых знаний как своих, что достигается развитием мотивации, лежащей в основе нового поведения. С этой точки зрения одним из важнейших становится вопрос о механизмах интроекции внешних норм, ценностей и эталонов.

Наиболее важным и с теоретической, и с практической точек зрения является изучение процесса и механизмов интериоризации подростками и молодежью значимых для общества нравственных норм, эталонов и правил поведения, а также разработка адекватных для разных возрастных и социальных групп средств, оптимизирующих интериоризацию.

Работы А.Г. Асмолова, Н.В. Гришиной, С.В. Недбаевой, В.А. Петровского и др. достаточно полно раскрывают теоретические и практические аспекты оказания психологической поддержки, основные условия, факторы и механизмы ее реализации.

Анализ данных работ показал, что психологическая поддержка осуществляется в ходе межличностного взаимодействия, сотрудничества; в воспитательных тактиках, основанных на понимании, сопереживании и принятии, и предполагает помощь в решении индивидуальных и возрастных противоречий в

развитии личности. При этом личность рассматривается не как объект воздействия, а как активный субъект совместной деятельности. Основанная на понимании, принятии, вере в возможности каждого человека психологическая поддержка создает безопасное пространство для развития.

Наиболее важным и с теоретической, и с практической точек зрения является изучение механизмов интериоризации значимых для общества нравственных норм, эталонов и правил поведения. Не менее значима и разработка адекватных для детей дошкольного возраста условий и средств, оптимизирующих процесс формирования просоциальной мотивации и активности. Это связано с выработкой нового отношения, переживания новых знаний как своих, что достигается развитием мотивации, лежащей в основе нового поведения. Новая мотивация появляется либо в результате идентификации (отождествления) ребенком себя со значимыми взрослыми, либо с развитием индивидуальных и социальных переживаний [6, 8].

Особенности молодежи как социально-возрастной группы, основные институты (семья, система образования, трудовой коллектив, армия, общественно-политические организации, досуговые центры, интернет и СМИ) и риски ее социализации

Характеристика молодежи как социально-возрастной группы основывается на двух взаимосвязанных критериях – возрастном и социальном (статусном). Возрастной критерий позволяет выделить два возрастных периода развития – юношеский возраст (17-21 год) и молодость (21-26 лет). Хронологические границы этих возрастных периодов исторически изменчивы и определяются социокультурными особенностями общества, его социальной и технологической организацией. Увеличение продолжительности юности – тенденция индустриального и пост-индустриального общества. Социальный критерий требует различать в рамках каждой возрастной группы подгруппы – учащейся, работающей, служащей в армии молодежи (юношей).

Психологической особенностью юношеского возраста является его *противоречивость*. Противоречивость находит выражение:

- во-первых, в *переходном характере развития* - от детства и подростничества к *взрослости* - определяя относительную маргинальность личности в этот период. Уже не ребенок, но еще и не взрослый! Включенность в две культуры – мир взрослых и мир детства обуславливает тревожность, эмоциональную неустойчивость, конфликтность, максимализм, застенчивость подростка.

Существование явления «молодежной субкультуры» свидетельство маргинальности и переходности этого периода.

- во-вторых, в несовпадении времени достижения морфофизиологической, половой, интеллектуальной и социальной зрелости юноши;

- в-третьих в том, что юность является одновременно возрастом как активной социализации, так и индивидуализации (открытия и утверждения своего уникального и неповторимого Я).

Период юности (17-21г.) традиционно рассматривается как начальная фаза вступления во взрослость.

Центральной задачей развития в подростковом возрасте является задача самоопределения в системе ценностей, общения и отношений между людьми. Другие задачи развития это:

- освоение «новой телесности», связанной с процессами полового созревания, формирование поло-ролевой идентичности и телесного образа Я;

- развитие абстрактного мышления;

- приобретение навыков межличностного общения с представителями своего и противоположного пола, вхождение в группу сверстников;

- становление новых отношений в семье на основе освобождения от родительской опеки, автономии и независимости (преодоление эмоциональной зависимости при сохранении потребности в психологической и материальной поддержке);

- выработка жизненной философии и системы ценностей;

- постановка задач будущего в области карьеры и образования;

- подготовка к семейной жизни.

Юность характеризуется особой социальной ситуацией развития – вступление во взрослую жизнь в обществе ставит перед молодым человеком задачу жизненного, профессионального и личностного самоопределения. Выбор профессии предполагает формирование профессиональных намерений, включая фазы предварительного выбора профессии, практического принятия решения с определением профессии, уровня квалификации в ней и формы профессиональной подготовки. Основная цель профессионального самоопределения в юности – формирование внутренней готовности к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив своего профессионального, жизненного, личного развития, способности самостоятельно находить личностно значимые смыслы в конкретной профессиональной деятельности

(Н.С.Пряжников,1996). Профессиональное самоопределение требует определенного самоограничения и критичного соотнесения собственных возможностей, интересов, способностей, с одной стороны, и возможностей и ограничений профессии.

Самоопределение, являясь выбором будущего пути, цели и смысла будущей жизни, предполагает выбор профессии, но к нему не сводится. Личностное самоопределение имеет ценностно-смысловую природу и предполагает активное определение личностью своей позиции относительно общественной системы ценностей и смысла своего существования. *Формирование ценностных ориентаций в сфере идеологии и мировоззрения, построение жизненных планов во временной перспективе* отражает единство процессов социализации и индивидуализации личности.

Возрастной период 17-22 лет как кризис «вступления в раннюю зрелость» направлен на решение двух основных задач – отделения от родителей и поиска своего места во взрослом обществе. Отделение от родителей может выступать в разных формах - уход из родительского дома, установление меньшей финансовой зависимости, принятие новых социальных ролей, преодоление эмоциональной зависимости от родительской поддержки и авторитета. Исследование возможностей и диапазона социальных ролей позволяют молодому человеку самоопределиться во взрослом мире. Важнейшей задачей молодого человека становится создание модели жизненной структуры, включающей три основных измерения: социо-культурный мир (профессия, принадлежность к социальному классу, семья, карьера, социальные роли); измерение Я (мотивы, конфликты, тревожность, стратегии совладания, умения, чувства и пр.); форма активного участия в социальном взаимодействии.

С переходом к зрелым возрастам происходит изменение характера психического развития человека – от развития преимущественно в форме присвоения социально-культурного опыта к развитию в форме созидания культуры и самостроительству на основе творческой активности.

Задачами развития личности в молодости являются:

- поиск брачного партнера и создание семьи;
- перестройка отношений с родителями на основе равноправия, признания взрослости и независимости;
- формирование семейной системы (выработка семейных ценностей и уклада, формирование ролевой структуры семьи);
- начало реализации родительской функции и воспитание детей;
- принятие ответственности за семью;

- развитие профессиональной карьеры;
- развитие социальных отношений и принятие гражданской ответственности.

Молодость рассматривается как «время путешествий» в сфере поисков себя, своей индивидуальности, осознания себя как взрослого. В профессиональной сфере поиски себя реализуются в приобретении мастерства и индивидуального стиля.

Центральную позицию в социальной ситуации развития молодого человека в период молодости - вхождения во взрослость занимают отношения с наставником (Д.Левинсон). Наставник – это «значимый другой» в социальной ситуации развития взрослеющего человека. Наставник - «проводник во взрослую жизнь», поиск которого выступает как одна из важнейших задач развития во взрослости. В случае, когда общество ограничивает или не обеспечивает широких возможностей для обретения наставника из числа старших поколений, роль наставника принимает коллективный субъект – неформальная группа представителей молодежной субкультуры, выступающая как референтная.

Трудности самоопределения и статус молодежи в современном мире глобализации, техногенеза, навязывания принудительных форм потребления, резкого возрастания роли СМИ, социальной стратификации определяют ключевую роль институтов социализации, порождая множественные социальные риски. Основными институтами социализации, помогающими разрешить кризис самоопределения в современном обществе являются семья, система образования, трудовой коллектив, армия, общественно-политические организации, досуговые центры, интернет и СМИ

Социализация как трансляция социальных ценностей оказывается достаточно эффективной в условиях стабильности и устойчивости общества. В периоды социальных кризисов и трансформирования и размывания ценностно-нормативной системы социальных отношений прежние формы социализации оказываются несостоятельными, происходит «сбой» в действии прежних социальных институтов. Место социализации в этом случае занимает альтернативная социализация и десоциализация.

Альтернативная социализация – это социализация вне официальных общественных институтов. В молодежной среде возникло и резко усилилось за последние десятилетия явление социального эскапизма – ухода (выхода) молодого человека за пределы традиционных институтов социализации, соответственно в область интересов, увлечений и жизнедеятельности, не контролируемых обществом. Эскапизм как бегство от реальности в мир иллюзорный, виртуальный, заменяющий

юноше реальную жизнь, деятельность, общение, особенно в связи с развитием доступности Интернета, получил широкое распространение в современном российском обществе. Как правило эскаписты не порывают с обществом и противостоят ему, однако такой путь развития можно рассматривать как зону риска генезиса асоциального и антисоциального поведения. *Десоциализация* представляет собой развитие личности в направлении противостояния и конфронтации с обществом, имеющее негативные следствия и угрозу для общественных устоев и организаций.

Семья как один из ключевых институтов социализации в современном обществе переживает кризисный период трансформации и перестройки в условиях бурных социо-культурных изменений. Неблагоприятные тенденции развития семьи и ухудшение микросоциальной (семейной) среды, определяющей социальную ситуацию развития ребенка, являются значимым фактором риска. Рост дисфункциональности, конфликтности, насилия в значительной части российских семей, обусловленный социально-экономическими трудностями, нестабильностью социальной системы, низким материальным уровнем жизни, трудности профессиональной занятости в большинстве регионов России, трансформацией традиционно сложившейся ролевой структуры семьи и распределения ролевых функций между супругами.

Изменение демографической ситуации – падение рождаемости и, как следствие увеличение удельного веса однопородных семей, что приводит к трудностям личностного роста и недостаточной коммуникативной компетентности детей, воспитывающихся в таких семьях.

Неудовлетворительный уровень реализации отцом воспитательной функции в значительном числе российских семей. Наряду с благоприятной тенденцией все более активного включения отца в процесс воспитания еще на этапе раннего детства ребенка и оптимизации системы эмоциональных отношений и кооперации ребенка с отцом, столь же ярко выступает тенденция дистанцирования отца от проблем воспитания, низкой эмоциональной вовлеченности, ориентации отца на родительство как значимый момент достижения личностной идентичности и психологической зрелости. В связи с миграцией населения в связи с трудоустройством и особенностями профессиональной деятельности наблюдается рост числа функционально неполных семей. Функционально неполная семья – нуклеарная семья, полная по формальному составу, в которой один из супругов не может постоянно выполнять свои функции. Причины, препятствующие реализации

супругом своих семейных ролей могут быть различны: тяжелое или хроническое заболевание, специфика профессиональной деятельности, длительное отсутствие супруга. Функционально неполная семья также должна быть отнесена к группе риска, а психологическая помощь такой семье направлена на разумное планирование функциональных обязанностей и поиск путей гармоничного сочетания самореализации личности в профессиональной деятельности и в семье.

Дисгармоничность системы семейного воспитания является достаточно распространенным симптомом дисфункции современной российской семьи.

У молодых людей все чаще юридически оформленный брак замещается гражданским браком, растет число людей осознанно предпочитающих одиночество браку. Наблюдается увеличение числа разводов - примерно 1/3 всех семей, заключивших брак, распадается. Психологическая "стоимость" переживания развода необыкновенно велика. По стрессогенности развод занимает второе место после смерти близкого человека. Полная психологическая реабилитация личности и преодоление негативных эмоциональных последствий развода констатируется лишь спустя 1 - 3 года после развода. Число распавшихся семей молодых людей весьма велико. Результатом развода и распада семьи становится формирование неполной семьи, преимущественно материнского типа. В значительном числе случаев в неполной семье наблюдается ролевая перегрузка матери и, как следствие, снижение эффективности родительства и воспитания. Типичными проблемами молодой семьи становятся нарушения общения, семейное насилие, отказ иметь детей, отложенное и девиантное родительство.

Система образования. Сегодня мы приходим ко все более полному осознанию того, что образование не есть простое усвоение знаний, умений, навыков и даже компетенций, а развитие личности во всем многообразии ее проявлений. Изменение парадигмы образования с ЗУН-овской на парадигму развития универсальных способов познания и освоения личностью мира коренным образом меняет наше представление о задачах системы образования как института социализации личности. *Профессиональное самоопределение* не одномоментный акт, не просто конкретный выбор профессии, а непрерывный процесс поиска смысла в выбираемой, осваиваемой и реализуемой профессиональной деятельности, процесс перевыборов на протяжении всего жизненного пути. Профессиональное самоопределение не ограничивается этапом выбора профессии на пороге окончания школы и стадии оптации, а продолжает оставаться актуальным и в период профессионального обучения. Профессиональное самоопределение активизируется

различными событиями – окончанием общеобразовательной школы, профессионального учебного заведения, повышением квалификации, сменой местожительства, профессиональной аттестацией, увольнением с работы и пр. Профессиональное самоопределение взаимосвязано с развитием самосознания и мировоззрения личности и является значимой характеристикой социально-психологической зрелости личности, ее потребности в самореализации и самоактуализации.

Критериями успешности профессиональной подготовки являются развитие профессионально важных качеств, принятие социальной роли и позиции профессионала, формирование адекватной системы мотивов профессиональной деятельности.

Показана связь между успешностью профессиональной деятельности, качеством профессиональной подготовки и развитием самосознания. Расщепление ценностного сознания общества, девальвация социальных и профессиональных ценностей и установок, «ценностный нигилизм», прагматизм и меркантилизм, проникающий в профессии социоэкономического гуманитарного типа, приводит к кризису идентичности - ее деструкции и диффузии.

Необходимо повысить воспитательный потенциал учреждений общего, профессионального и высшего образования; обеспечить эффективную социализацию и гармоническое развитие личности в юношеском возрасте и молодости; осуществлять профилактику негативных явлений экстремизма, национализма, шовинизма, социальной нестабильности и поляризации в образовательных учреждениях и в обществе в целом; повысить уровень безопасности жизни населения.

Армия, являясь крайне значимым институтом социализации в точки зрения формирования гражданственности, патриотизма, социальной позиции молодых людей все чаще не только не справляется с предписанной ей обществом ролью, но и не оказывая должного сопротивления распространению контркультуры – «дедовщины», негативной идентичности, явлений эскапизма. Коренная перестройка всей системы боевой и воспитательной работы в армии является необходимым условием развития правового гражданского общества в России.

Общественно-политические организации. Общая нестабильность общества, его поляризация и многоукладность в период радикальных социальных преобразований порождает ряд новых социальных явлений:

- неустойчивость общественного мнения, выражающего позиции разных социальных групп;
- большое количество массовых социальных движений с радикальными векторами;

как результат — возникновение внутри этих групп и движений «групп риска» с тенденциями к экстремизму

В этих условиях особое значение приобретает *политическая социализация* — адекватное представление о власти и властных отношениях и формирование представлений о своих правах, умение ими пользоваться. Процесс политической социализации это процесс активного вхождения в политическую культуру, формирование ценностно-ориентированной гражданской позиции.

Важной составляющей сознания и самосознания личности является *правовое сознание*. Развитие правового сознания подростков и молодежи отражает переход современного российского общества к демократическому правовому государству. В демократически организованном государстве граждане готовы к признанию той власти, которую они воспринимают как законную, или легитимную. Признание легитимности политической власти основывается на принятом в обществе *критерии справедливости*, воплощенном в сформировавшихся ожиданиях членов общества по отношению к власти. Подобные *ожидания справедливости* складываются из сопоставления людьми представлений о своих должных и реальных правах, оценки действующих законов по шкале "справедливости - несправедливости", представлений о справедливых нормах и формах общественных и политических отношений. Поэтому *ожидания справедливости* являются составной частью правового сознания и оказывают существенное воздействие на установление определенной формы политического правления. Тема правового сознания непосредственно связана с представлением о законе как регулирующем механизме общественных отношений, а значит, и с его оценкой с точки зрения справедливости. Проблема законопослушности сводится к интериоризации целесообразности исполнения законов, закон будет исполняться тогда, когда целесообразность его исполнения перейдет в "личностный смысл"¹ А.Н. Леонтьев. Таким образом, эффективность правового сознания зависит от представления граждан о справедливости, т.е. оценки степени равного их исполнения для всех - от практической реализации демократического принципа равенства всех граждан перед

¹ По А.Н. Леонтьеву

законом. Представления людей о справедливости в сфере политико-правовых отношений связаны в их сознании с конкретными правовыми установками (отношение к законам и правам) и их политическими взглядами (установками по отношению к государству и форме политического правления), а также принадлежностью к определенной социальной группе. Дефицит «веры в справедливость» общества и государства характерен для значительной группы современной молодежи России. Переход молодежи из позиции «наблюдателя» в позицию «созидателя» гражданских прав, свобод и обязанностей личности через участие в социальной практике составляет серьезную перспективу развития правового сознания этой возрастной группы населения.

Формирование гражданской идентичности и позиции личности реализуется посредством приобретения гражданской компетентности, организации и осуществления гражданских акций, последовательного освоения личностью различных модальностей ее гражданского бытия в современном обществе путем «ролевого экспериментирования» (Э.Эриксон).

Технологии приобретения гражданской идентичности должны включать:

1. систему мероприятий по сопровождению процессов самопознания и самоопределения, формирования групповой и личностной идентичности подростков, юношей, молодежи;

2. рекомендации по созданию системы социально-психолого-педагогических условий расширения развитие сфер самовыражения молодых людей. Главными условиями должны выступить создание молодежных организаций, альтернативных неформальным молодежным сообществам типа асоциальной контркультуры и расширение самоуправления в образовательных учреждениях;

3. формирование коммуникативной компетентности молодых людей, как базового условия активного включения в социальную жизнь и самореализации личности.

В современной России просоциальных массовых юношеских общественных организаций крайне мало. Соответственно, возможности общественно-политического «экспериментирования и самовыражения» на фоне разрешения жизненного, идеологического и политического самоопределения как возрастной задачи развития оказываются резко ограниченными. "Узловым рубежом" в социальном развитии личности является занятие подростком позиции "Я и

общество", т.е. определение себя в обществе и через общество². Отметим при этом, что молодые люди с 14 лет обретают, хотя и не в полном объеме, гражданские права и становятся их субъектом. Этот факт стимулирует появление в этом возрастном периоде интереса к социальной активности, которая в ряде случаев реализуется в общественных организациях и социальных инициативах, что выступает важным фактором становления гражданской идентичности. Тем не менее, пассивность в проявлении социальной активности составляет характерную черту современной молодежи. Вместе с тем сегодня можно говорить о возрождении интереса к данному институту социализации и возвращении к его государственной и социальной поддержке как полноправного института социализации, обеспечивающего гражданское самоопределение молодых людей, формирование гражданско-правового, демократического общества.

Развертывание и поддержка деятельности общественно-политических организаций составляет важное условие формирования гражданской идентичности, патриотического воспитания подростков.

В основе формирования гражданской идентичности и просоциальной направленности личности лежит *гражданское самоопределение*, понимаемое как целенаправленный процесс формирования гражданского облика человека как гражданина своего Отечества, основанное на приобретении компетентности в нравственной правовой культуре, усвоении определенной суммы гражданских знаний и осознании себя, своих прав и обязанностей, как человека и гражданина России, осознание причастности к большой и малой Родине: ее языку, истории, традиции, культуре, мировой культуре и истории.

Молодежная субкультура, досуговые центры, интернет и СМИ

Молодежная субкультура выполняет функцию обеспечения процессов самоопределения и самоактуализации молодого человека.

Молодежная субкультура представляет собой форму возрастной стратификации подростков, юношей, возраста «вступления во взрослость». Молодежная субкультура представляет собой систему ценностей и образ жизни, противоположный ценностям и образу жизни общества взрослых. Иными словами, юноши, как бы «выпадают» из мира взрослых, находятся вне социальной структуры. Особенность самосознания представителей молодежной субкультуры в том, что они осознают себя вне структур общества, «выпавшими из общества. В рамках анализа

² По (Д.И.Фельдштейну

феномена молодежной субкультуры, как правило акцентируется «кризис социализации» или конфликта поколений. Нарушение связи между поколениями разрывает процесс передачи системы ценностей, что составляет отличительную черту молодежной субкультуры, по сравнению с «культурой большинства».

Можно выделить два подхода, дающих различную интерпретацию феномена «молодежной субкультуры». Сторонники первого подхода полагают, что состояние лиминальности (пороговости) характерно лишь для переходного периода, когда человек изменяет свою социальную позицию с одной «не – взрослой», на другую «взрослую». Найдя свое место в социуме, человек покидает сферу молодежной субкультуры (Т.Парсонс, В.Тэрнер). Здесь решение о «выходе» из просоциальной культуры и включении в контркультуру принимает сам человек. Чаще всего спустя некоторое время новое поколение встраивается в ту же культуру, что и предшествующее. Второй подход основывается на представлении о социальных сдвигах как причине молодежной субкультуры и теории различных типов культур – префигуративной, фигуративной и постфигуративной (М.Мид). Взрослеющая молодежь обнаруживает мир, расходящийся с их детской прежней картиной мира. Процесс социализации нарушается в силу того, что общественные перемены происходят столь быстро, что молодежь отказывается принимать ценности и опыт взрослых как явно устаревший и неадекватный современной реальности и отторгает его. По сути, новое поколение оказывается один на один с необходимостью делать новые выборы и строить новую социальную структуру. Здесь новое поколение выступает инициатором смены ценностной культурной парадигмы.

Указанные подходы не противоречат друг другу, а скорее обогащают друг друга. В традиционных обществах в стабильные периоды представители субкультур - это те, кто находится в процессе перехода в социальной структуре. В периоды радикальных социальных перемен представители субкультур – те, кто отрицает ценности культуры большинства и предпочитает уход в контркультуру или экстернальную культуру.

Функции и сущность контркультуры определяется культурно-историческими условиями и социальной динамикой развития общества как системы. Контркультуру нельзя противопоставлять официальной культуре – между ними существует глубокая связь и взаимодополнительность. Соотношение основной и экстернальной культуры могут строиться по одной из трех моделей – изоляция, источник развития и инверсия. В стабильном (традиционном) обществе реализуется модель изоляции, при которой представители субкультур оказываются

изолированными ритуальным барьером. Нормы и ценности, реализуемые контркультурой, практически не проникают в «большое» общество и отвергаются им. Представители молодежной субкультуры образуют «неформальные группы», квалифицируемые как «отклоняющиеся». Модель «источник развития» реализуется в эпохи общественных перемен, когда ценности и нормы предшествующих поколений приходят в острое противоречие с реальными историческими переменами, что вызывает конфликт поколений (проблемы «отцов и детей»). В рамках этой модели отношений за молодежной субкультурой признается культуротворческая развитийная функция. Аналогично «карнавальной субкультуре» (Ю.М.Лотман), молодежная контркультура является основой развития общества в целом, закладывая ростки вариативности развития и выхода за пределы традиционной реальности. Идеи и нормы экстернальной культуры проникают в основную культуру и перестраивают социальную систему, конечно, лишь в том случае, если они адекватны происходящим переменам в системе социального функционирования. Модель «инверсии» актуализируется в ситуации идеологического ценностно-нормативного «переворота» и характеризуется тем, что идеи, нормы и символы экстернальной культуры становятся основой структурирования и упорядочивания общества, а традиционные ценности становятся «внешними» и со временем приобретают статус экстернальной (внешней, «чужой») субкультуры.

Молодежная субкультура выполняет следующие функции: социализацию молодежи как процесс смены и трансформации позиций в социальной структуре; культуротворческую функцию; функцию «источника развития» общества; функцию удовлетворения потребностей молодого человека в самоопределении и самореализации; обеспечении потребностей в безопасности, аффилиации, общении.

Неформальное молодёжное объединения — социально-психологическое явление, представляющее собой попытку адаптации молодых людей к тем проблемам, с которыми они сталкиваются в подростковом и юношеском возрастах, в течение того периода, когда они постепенно входят в самостоятельную жизнь в современных конкретно-исторических условиях. Неформальное молодёжное объединения определено как общность, состоящая из подростков и лиц молодого возраста, характеризуемая рядом неотъемлемых признаков; таких как «возникновение на базе стихийного общения в конкретных условиях социальной ситуации; самоорганизация и независимость от официальных структур; обязательные для участников модели поведения, направленные на реализацию

потребностей, не удовлетворяемых в обычных формах жизнедеятельности. Неформальное молодёжное объединения - группа людей, имеющих общую деятельность, специфическую систему ценностей и связанную с ней модель поведения; выразительную систему атрибутов; стиль общения, определяемый сюжетом, ритуалами принятия новичков, посвящения, исключения, особенностями ролевого поведения.

Основными характеристиками молодежной субкультуры являются:

- *самоорганизация*, как формирование в ситуации неопределенности ролевых и коммуникативных структур. Как правило, неформальные объединения характеризуются трехслойной иерархической структурой. Например, в армейской субкультуре «дедовщины» - «деды» (сверху), «шнурки» (снизу) и между ними средний слой. Аналогично в лагерной подструктуре - «воры» - элита, «мужики» - средний слой; «опущенные» или «чушки» - нижний слой; а в субкультуре «металлистов» - лидер и элита, металлисты и гопники.

- выработка *ритуалов*, определяющих обряды инициации - перехода в новое состояние ранга, статуса, возрастную группу;

- *символика* как способ маркировки «своих» и «чужих», знаки принадлежности к сообществу и статусу в рамках сообщества; обеспечивающая коммуникацию благодаря невербальным (символы) и вербальным - сленг - средствам;

- *референтность* - степень значимости для представителя субкультуры статуса принадлежности, степень уважения ценностей, норм группы;

- *групповая идентичность* - общность самосознания, степень принятия ценностей, норм, жизненных целей и стратегий субкультуры и степень идентификации с ней.

Институт СМИ. С. Московичи в своей психологической концепции развития общества указывает, что движущей силой развития современного общества и причиной его деформаций является *развитие способов коммуникации*.

Средства массовой информации выполняют важнейшую функцию социального конструирования идентичности, предлагая тот или образ России, задающий различные сценарии развития, находящие отражение в как в заданности и предопределенности, так и в неповторимости траекторий развития человека в пространстве личностных выборов. Институт средств массовой коммуникации становится одним из ведущих институтов социализации личности в обществе 21

века. Насколько же успешно справляются СМИ со своей жизненно важной для общества ролью?

Современный мир устроен так, что воспринимается преимущественно через средства массовой информации. На смену традиционной схеме познания человеком мира посредством непосредственного взаимодействия с ним приходит новая модель описания коммуникации, в которой отношения субъекта и объекта опосредствованы СМИ.

Особенность коммуникации в этой сфере в том, что она направляется и регулируется социальными институтами с целью управления и организации социальных групп и общественных движений. СМИ при этом выполняют функции отбора, фильтрации, структурирования информации, создавая своеобразную «призму», через которую осуществляется восприятие мира, познание и постижение человеком его социального и природного устройства. Зачастую при этом возникает реальная опасность насильственного воздействия на сознание и умы людей. Отметим, что манипулирование сознанием вовсе не означает предоставления ложной или недостоверной информации. Напротив, более эффективным воздействием на индивидуальное, групповое и общественное сознание будет в том случае, когда достоверная информация будет соответствующим образом представлена. Во всем мире становится все более заметной тенденция «добровольно-принудительного», осуществляемого посредством современных технологий, навязывания отдельным людям и целым сообществам, регионам планеты некой тщательно спланированной системы стандартов, правил, ценностей любой значимой деятельности (Фуко М., 1999). Такие международные организации как Совет Европы и ЮНЕСКО ставят как актуальную задачу просвещения и образования юношества и молодежи в области СМИ. Необходимо формировать известную компетентность в этой сфере посредством создания системы медиаобразования как особого социального приоритета, направленного на то, чтобы обеспечить необходимый уровень культуры пользования информационными и другими возможностями.

Риски общества, организованного с помощью коммуникативной сети, по словам С. Московичи состоят в размывании идентичности, повышенной внушаемости, утрате рациональности. Прямым следствием утраты идентичности становится девальвация нравственного начала, патриотизма, добросовестного профессионального труда, широкое распространение «невротической триады» - тревожности, чувства одиночества и отчуждения, бессмысленности существования,

человек начинает жить сегодняшним днем, теряет жизненную перспективу, становится человеком «без рода и племени», «не знающим родства», утратившим связь поколений.

Последнее достижение научно-технического прогресса общества - Интернет-технологии далеко не однозначны. Открывая практически почти неограниченные возможности получения информации, они в той же степени могут служить распространению дезинформации. Обеспечивая невиданные ранее возможности общения между людьми, они нередко оказываются средством создания иллюзии общения. Удовлетворяя естественную потребность человека в общении в особом виртуальном пространстве, Интернет коммуникации вытесняют и ограничивают традиционные формы общения, приводя к вымыванию эмоционально-насыщенных лично-ориентированных форм общения, порождая чувство одиночества, враждебности, утраты базового доверия к миру. Возникающий коммуникативный дефицит в свою очередь компенсируется современными коммуникативными технологиями, еще более усиливающими чувство изоляции и утраты Я.

1.2 Особенности психического развития

В целом можно говорить о более высоком уровне социального развития детей всех возрастов и их более высокой социальной зрелости. Уровень осведомленности о социальных ролях, нормах, общественном устройстве возрос за последние 7-8 лет почти в 3 раза (у подростков более чем в 4 раза). Увеличивается и социальная сеть контактов детей и подростков (уже с младшего школьного возраста), прежде всего благодаря виртуальному общению. Но так как при этом происходит и обмен информацией и социальными представлениями можно говорить о развитии их социальной компетентности в целом

Существенно возросло стремление к самоутверждению (хотя, скорее можно назвать это стремлением к доминированию и самопрезентации), особенно в подростковом возрасте. В то же время, эта тенденция появилась в последние 3-5 лет даже у дошкольников. Важно отметить возросшую потребность к самопрезентации и самоутверждению у девочек и девушек, которая существенно (почти в 3 раза) выросла за последние 10 лет. Видимо, можно говорить о том, что вначале самоутверждение расценивалось как проявление маскулинности, и поощрялось, главным образом, в поведении мальчиков и юношей. Теперь многие родители рассматривают стремление к самоутверждению как залог успешности, в том числе и деловой активности, возможности сделать карьеру, а потому поощряется независимо от пола.

Необходимо отметить и развитие социальных представлений о мире, об обществе и окружающих людях, которые активно формируются на всех этапах онтогенеза. Диагностика социальных представлений на протяжении последних 12 лет показала малую структурированность различных социальных представлений друг с другом. Этот факт, очевидно, связан, главным образом, с теми кардинальными трансформациями, которые происходят в последние десятилетия в мире (и, особенно, в нашей стране), и вытекающей из этого неопределенностью и текучестью ценностей, установок и нормативов. Важным моментом является тот факт, в последние 2-3 года появляется положительная тенденция, так как у подростков и студентов начинается систематизация социальных представлений. Это еще не говорит о появлении целостной системы ценностей и мотивов, но может свидетельствовать о возможности формирования у более молодых членов общества целостного и устойчивого мировоззрения.

Полученные в разных исследованиях результаты свидетельствуют о том, что стремление к социальной самореализации является одним из доминирующих мотивов на всех этапах Детства – от дошкольного до юношеского возраста. Правда, необходимо отметить, что эта потребность носит своеобразный характер, созвучный многим современным социальным установкам. В ответах подростков и молодежи отчетливо видно стремление к карьере, богатству, успеху вообще, без конкретизации в какой деятельности. Ответы дошкольников в последние 3-4 года также существенно изменились, теперь у них тоже доминируют желания, связанные с деньгами и успехом.

Многие дети (и подростки) в качестве эталонов выбирают олигархов, и почти никогда выдающихся ученых, политиков, актеров (выбор актеров был очень характерен еще 4-5 лет назад). Немногие еще продолжают ориентироваться на спортсменов в качестве эталона для деятельности и карьеры. Эта тенденция к смешению понятий социальной реализации и карьеры, денег и успеха, характерна для всех возрастов и всех социальных групп, независимо от материального и социального статуса семьи и места проживания.

Однако в последние пару лет были выявлены новые факты – почти 35% процентов подростков хотят быть похожими только на себя, и не хотят никому подражать. При этом они также хотят добиться успеха, но уже не связывают его однозначно с деньгами. У подростков, имеющих серьезные увлечения, стремление быть похожим только на себя еще выше – 61%.

Еще одним феноменом, который стал активно проявляться у нас в последние 3-4 года и пока в большей степени в юношеском возрасте, является дауншифтинг, то есть сознательный уход от активной социальной жизни, связей, карьеры. За рубежом это явление известно давно и, хотя не имеет очень широкого распространения, но включает все более широкие слои общества, преимущественно молодежи.

Одной из основных причин дауншифтинга является расхождение между индивидуальными ценностями и теми, которые навязывает человеку социум. В частности, дауншифтинг может рассматриваться как стремление уделять больше внимания видам деятельности, доставляющим удовольствие (что характерно для ребенка, часто не желающего делать то, что нужно, но не хочется). Тот факт, что дауншифтинг приобретает более широкое распространение (если не как реальность, то как притягательная идея) в последние годы, дает основания связать его с экономическим кризисом, который показал для части молодежи сложности в построении карьеры и накоплении денег. Это сказывается в ответах уже работающих молодых специалистов, и, как результат, начинает сказываться в ответах и ценностях более молодых членов общества.

Полученные данные позволяют проследить определенную динамику потребностной сферы детей и подростков за последние 7 лет. Первая тенденция связана со снижением количества и разнообразия потребностей. Если в 2000-х годах в среднем у дошкольников присутствовало не менее 5-6 ведущих потребностей, (у подростков – 7-9), то в 2009-10 годах их число составляет соответственно 3-4 и 5-6 потребностей. При этом постоянно возрастает значение материальных потребностей, которые переходят с 5-6 на 1-3 места в иерархии потребностей.

Еще одной закономерностью становится уменьшению потребности в общении со сверстниками, что особенно явно видно в подростковом возрасте. Необходимо отметить и тот факт, что доминирующие потребности подростков часто выполняют компенсаторную функцию. Поэтому у учеников из семей, где отсутствуют дружеские связи (но, часто, имеется материальное благополучие) первое место в иерархии занимает потребность в счастливой семье, а у учащихся и студентов из семей с низким социальным и материальным статусом - карьера, как способ преодоления материальных трудностей и обретения свободы.

Существуют различия и в мотивационных блоках подростков большого и малого городов. В иерархии потребностей подростков большого города доминируют

карьера, самореализация, уважение окружающих, тогда как у подростков малого города доминируют конформность, уважение к традициям, счастье.

Исследования социальных связей детей и подростков, начиная с середины 1990-х годов, показывают увеличение числа контактов с близкими взрослыми и рост их значения. Количество контактов со сверстниками, не убывая количественно, теряет свою значимость с точки зрения важности советов, помощи в трудной ситуации и т.д. Главным является тот факт, что роль сверстника в развитии групповой идентичности, представлений о себе и о мире, о которой говорили ученые на протяжении длительного времени, существенно меняется. Возможно, в начале периода кардинальных социальных трансформаций, усиление роли семьи было связано с неопределенностью, тревогами, которые делали семью убежищем, сплачивая ее членов (в том числе и детей, и подростков) в ситуации трудностей, изменений.

Однако и в период стабилизации (с начала 2000-х годов), и в семьях, где отсутствуют эмоциональные связи между родителями и детьми, роль взрослого (знакомого, педагога, кого-то из родственников) продолжает оставаться не менее важной, чем роль сверстника. Это говорит о том, что представления о важности контактов со сверстниками в формировании представления о мире в период трансформаций (конфигуративное общество) могут быть частично пересмотрены.

Это подтверждается и тем фактом, что за последние годы значение сверстников в социальных контактах постепенно падает. Если еще в 2005 году ценность сверстников и общения с ними была велика и для младших школьников, и для подростков (почти 60% подростков отмечали значение сверстников для эмоционального благополучия), то уже в 2009 году общение со сверстником становится гораздо менее значимым. Лишь треть младших школьников и около 40% подростков говорят о важности для себя контактов и дружбы со сверстниками. При этом падает авторитет и значение педагогов, которым подростки не доверяют и мнение которых не является значимым.

С возрастом увеличивается значение личного опыта и снижается авторитет друзей и близких в выборе увлечений, источников информации, приятелей. Исследования показывают наличие у младших и старших подростков острой потребности во внешней стимуляции, спорте, музыке, информации о моде и т.д., но, в меньшей степени, потребности в реальных социальных контактах. Возможно, это связано с трудностями общения со сверстниками и плохой социализированностью в группе, тем более группе официальной (классе).

Изучение социальных оценок и переживаний детей и подростков, раскрывающих отношение к окружающим людям и обществу в целом, показало, что значительная часть (более трети) детей полностью положительно оценивают окружающий мир и взрослых. Эта цифра практически не изменилась за последние 10 лет. В то же время изменилась картина социальных представлений, оценок и переживаний той части детей, которые оценивают окружающее более дифференцированно.

Так, в конце 1990-х годов, большая часть дошкольников принимала нормы и правила, транслируемые взрослыми. В 2009 году у дошкольников выросла отрицательная оценка взрослых (11% негативно оценивают близких, и 19% - педагогов в дошкольных учреждениях). В то же время количество отрицательных оценок, данных сверстникам, почти не изменилось.

У младших школьников также возросло отрицательное отношение к педагогам (23%), нормы и правила отрицательно оценивали уже 39%, а в 4 классе даже 47% учеников, в то же время процент детей, отрицательно оценивающих одноклассников почти не изменился - 25%.

У подростков существенно выросло отчуждение от школы, нормы и правила которой не принимает почти 60% подростков. Еще более тревожным является тот факт, что вырос процент подростков, отрицательно оценивающих и относящихся к миру вообще (16%). Отрицательная оценка педагогов почти не изменилась (51%), но увеличилось число отрицательного отношения к сверстникам (от 22% к 34%), и близким взрослым (от 19% к 23%). Тревожным моментом является и то, что сравнительные исследования показывают, что российские подростки считают, что их мир менее предсказуем, у них более низкий уровень оптимизма, чем, у подростков из многих европейских стран (Финляндии, Венгрии, Франции, Чехии, Словакии).

Эти результаты свидетельствуют об общем недовольстве, испытываемом подростками при оценке своего места в мире взрослых, у них есть желание что-то изменить, хотя понимание содержания этих изменений крайне расплывчато и неосознанно. Это также тревожный факт, так как такое мироощущение открывает путь для канализации неосознанной энергии подростков в деструктивном русле.

В понимании различий в образе мира между взрослыми и подрастающим поколением, необходимо учитывать тот факт, что дети и подростки выросли в новой социальной ситуации, которая воспринимается ими, в отличие от взрослых, уже не как изменчивая и текучая, но как стабильная, а новые социальные реалии, ценности

и нормы – как существовавшие всегда. Это, наряду с отношением к информации, ее содержанию и способам ее получения существенно отдаляет их от взрослых.

В то же время их осведомленность часто существенно отстает от их активности и умения контролировать и регулировать свое поведение, преодолевать трудности, инфантилизмом.

Эти данные доказывают необходимость как формирования индивидуальных стратегий социализации детей и подростков, так и индивидуальных стратегий общения с детьми педагогов. Эмпирические материалы показывают, что наиболее значимой в формировании индивидуальных стратегий взаимодействия с детьми педагогов начальной школы является направленность на оптимизацию взаимоотношений между учениками, повышение познавательной активности детей, сочетание принятия с контролем во взаимодействии педагога и учеников.

Серьезной проблемой социализации подростков является и несовпадение ожиданий педагогов и родителей в отношении их поведения, увлечений и будущего. Причиной такого несовпадения во многом являются различия в системе ценностных ориентаций педагогов и родителей, и, прежде всего, их отношения к образованию, ценности знаний, творческой деятельности. В большинстве своем педагоги (по крайней мере, в опросах и анкетах) отмечают эти ценности как ведущие и оценивают детей и подростков, исходя из соответствия этим ценностям. В то же время для многих родителей ценность образования связывается не с познавательной активностью, но с поступлением в институт, успехом и карьерой.

Необходимо подчеркнуть и то, что низкий уровень социализированности и невысокий уровень культуры затрудняют формирование положительного отношения и положительной оценки окружающего мира детьми и подростками, формирование у них социокультурной идентичности. Поэтому в качестве фактора, помогающего социализации, часто начинает использоваться этническая идентичность, которая также дает укорененность и уменьшает неопределенность настоящего и будущего. В современной ситуации этот вопрос приобретает исключительную важность, так как включение этнической идентичности как стабилизационного фактора во многом становится причиной нетерпимости к другим народам и социальным группам. Это доказывает и реальность нашего времени, когда социальная нестабильность в многонациональных государствах проявляется в обострении национальных конфликтов.

Характер эмоционального развития претерпел существенные изменения преимущественно в старшем дошкольном и, в меньшей степени, младшем

школьном возрасте. У детей увеличилось знание о способах выражения эмоций и эмоциональных состояниях, а также общая осведомленность о количестве эмоций, умение «читать» эмоции окружающих и выражать свое эмоциональное состояние. Одновременно существенно снизилась эмпатия, при этом эмпатическая реакция перешла со сверстника (было 41%, стало 33%) и взрослого (было 32%, стало 23%) перешла на домашних животных (было 27%, стало 44%). По-видимому, это связано с более выраженным одиночеством ребенка в семье, меньшим общением со сверстниками и, соответственно, увеличением доли общения с домашними животными, которые намного чаще появляются в семьях.

Еще одной яркой характеристикой эмоциональной сферы современных детей является тот факт, что наиболее активным механизмом стал механизм подавления эмоций (38%, было 12%). Менее выражены изменения в механизме их симуляции (было 18%, стало 24%), в то время как копирование, заражение и т.д. выражены намного слабее. Это свидетельствует о том, что дети стараются не показывать свои реальные переживания, либо подавляя, либо маскируя их, одновременно демонстрируя окружающим ту эмоцию, которую они ждут от детей. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о старших дошкольниках, которые раньше выражали свои эмоции достаточно открыто.

Таким образом, можно констатировать, что уже с 6-7 лет, происходит подавление аффективного компонента переживаний когнитивным. Эта тенденция отчетливо выражена и в подростковом возрасте.

Хотелось бы отметить и то, что у современных детей высоко дифференцируются показатели эмоционального развития. Самая высокая дифференциация приходится на средний дошкольный возраст (4-5 лет), который можно обозначить как сензитивный для социализации эмоциональной сферы ребенка и ее направленной амплификации.

Изучение особенностей личностного развития показывает, что существенно увеличился разброс в уровне самооценки, хотя ее адекватность немного возросла. Личностная активность, также как и самооценка, стали в меньшей степени, чем раньше зависеть от внешних факторов, при этом уровень адекватности самооценки, как и дифференцированности представлений о себе напрямую зависит от интеллекта детей.

Наиболее ярко эта связь проявляется в количестве параметров, данных дошкольниками и младшими школьниками в самоописаниях. Идентификация начинается с первых лет жизни детей, прежде всего, личностная и социокультурная.

Сначала, в основном, с объективными эталонами – страна, пол, затем с основными социальными ролями. К младшему школьному возрасту появляется идентификация с обобщенными качествами и ценностями, увлечениями, и постепенно исчезают конкретные эталоны, связанные с персонифицированными носителями определенных качеств.

Важной особенностью является тот факт, что, если пять лет назад в содержании идентичности дошкольников преобладали объективные параметры, то к 2014 году большее значение начинают играть субъективные параметры, которые даже преобладают у почти трети детей 6-7 лет. Доминирование субъективных критериев у современных детей, по-видимому, связано с тем, что они больше выделяют личностные и индивидуальные особенности и хорошо соотносят их с собственным образом-Я.

Если в 2009 году 76% старших дошкольников, независимо от места проживания, видели у себя только положительные качества и не осознавали своих недостатков, то в 2014 году 54% старших дошкольников оценивали себя однозначно положительно, остальные признавали у себя и отрицательные качества. То есть в 2009 году 24% детей имели дифференцированное представление о себе, а в 2014 – 46%. Это говорит о том, что их представления о себе стали более дифференцированы и реалистичны. Даже маленькие дети стали лучше осознавать себя, выделяя разные, причем субъективные, параметры при описании. По-видимому, это связано с более широким и разнообразным кругом общения, в том числе и за счет расширения информационного пространства.

С возрастом дети чаще отмечают свою половую принадлежность (в 5-6 лет 8%, а в 6-7 лет 11% ответов), что объясняется закономерным развитием гендерной идентичности, включающей единство физического, социального и психологического плана принятия своего пола. На идентификацию влияет и смена социального положения. Например, если в 5-6 лет социальный статус называют лишь 3% детей, то к семи годам, в преддверии поступления в школу и приобретением новой роли, соответствующих ей прав и обязанностей, это происходит в 3 раза чаще (до 9%). К 6-7 годам в структуре идентичности детей начинает все большее место занимать семейные роли (11%), которые до этого почти не назывались. Возможно, это связано с тем, что чем старше становятся дети, тем больше обязанностей в семье они выполняют.

В 2009 году было выявлено только 4% дошкольников, которые относятся к себе отрицательно, не принимают себя. Через пять лет их стало несколько больше –

7% детей имеют негативную идентичность. Эти данные позволяют констатировать, что эмоциональный компонент личностной идентичности относительно стабилен, большинству детей свойственно принятие себя, что является, как показывают многие исследования, необходимым условием личностного роста и успешной социализации. Поэтому увеличение числа детей с отрицательным отношением к себе (а не просто наличием отрицательных качеств в содержании личностной идентичности) является достаточно тревожным фактом.

Возрастная динамика процесса становления личностной идентичности не зависит от социальной принадлежности детей и подростков и степени обеспеченности их родителей. Общая тенденция выражается в том, что происходит увеличение осознанности и адекватности представлений о себе и своем будущем, увеличение эмоциональной насыщенности этих представлений, расширение числа социальных ролей и субъективных качеств, включаемых в представления о себе. В значительной степени совпадает не только возрастная динамика, но и содержание личностной идентичности подростков, принадлежащих к различным социальным группам в плане ролевого репертуара и ценностных ориентаций. Приоритетными являются карьера, собственность и социальные роли, а вторичными – личностные качества, учеба и семейные роли, что, по-видимому, отражает общие для всех подростков эталоны и установки, связанные с реальными ценностями современного российского общества.

Различия выражаются в том, что подростки и юноши из семей с более низким социальным статусом и материальным достатком более социализированы и адаптированы к актуальной ситуации, в то время как учащиеся из обеспеченных семей склонны к проявлению личностного и социального инфантилизма. Существуют значительные отличия между ними и в оценке будущего. Подростки, которые уверены в том, что родители помогут им и после школы, имеют более четкие представления о будущем, в то время как у учеников 11 классов, которые не уверены в материальных и социальных возможностях своих родителей (это, в частности, большинство учеников обычных средних школ) ярко выражены признаки тревоги и неуверенности. При этом материальный достаток не только повышает степень уверенности в своем будущем и степень защищенности в семье, но и существенно снижает уровень личностной активности.

Таким образом, полученные эмпирические данные позволяют сделать вывод, что у юношей и девушек такие факторы как уверенность в своем будущем, степень защищенности в семье, материальная обеспеченность и возможность свободного

перемещения по миру определяют количество и содержание (наполнение) ролевого репертуара, а также содержание и степень интериоризации ценностей и эталонов.

Выше уже отмечалось, что существуют отличия в обмене опытом и характере взаимодействия взрослых с детьми в мегаполисах и в малых городах. Это подтверждается и результатами исследования идентичности детей и подростков, проживающих в большом и малом городе. Для подростков из малого города приоритетными являются социальные роли, групповая принадлежность, уважение традиций, конформность, рефлексивность, в то время как для подростков из большого города важны индивидуальные и личные качества, собственная независимость и автономность. Полученные данные также говорят о том, что образ Я дошкольников, проживающих в мегаполисе, является более негативно окрашенным. Они чаще, чем их сверстники из малого города используют в своих самоописаниях негативные характеристики – ленивый, не слушаюсь маму и т.п. Представление о себе детей из малого города не только более позитивно, но и более целостно, что проявляется в устойчиво большем количестве положительных выборов при самоописании.

Половина обследованных нами в 2014 году детей имеют высокую тревожность, в то время как в 2009 году высокая тревожность наблюдалась у немногим более трети детей. Это затрудняет процесс принятия правил и осложняет вхождение в новые социальные группы, причем более высокий уровень тревожности отмечается у мальчиков (61%, у девочек – 49%). Это также отличается от данных пятилетней давности, где показатели тревожности были ниже и одинаковы у мальчиков и девочек (в среднем 35-38%).

Изучение агрессивности и конфликтности показало, что большая часть детей способны разрешать конфликтные ситуации, оставаясь в рамках социальной нормативности. В то же время уровень агрессивности остается высоким (43% имеют высокий уровень агрессивности, и 39% - средний) и мало изменился за последние 5 лет. Это может свидетельствовать о том, что данные о способах разрешения конфликтов являются скорее знаемой, чем реально действующей мотивацией. Тревожным является тот факт, что за последние годы количество агрессивных девочек увеличилось почти на 30%, хотя уровень агрессивного поведения у мальчиков остается постоянным. , в то время как Возможно, это связано с тем, что в последние годы установка на успешность связывается с агрессивным поведением независимо от пола, что, видимо, и привело к росту агрессивности и у девочек.

Таким образом, можно констатировать, что эмоциональный компонент личностной идентичности не зависит от возраста, большинству детей свойственно принятие себя, что является, как показывают многие исследования, необходимым условием личностного роста и успешной социализации детей и подростков. Поэтому увеличение числа детей и подростков с отрицательным отношением к себе является достаточно тревожным фактом.

1.3 Межпоколенное общение как фактор противодействия экстремизму

Проблема коммуникации и взаимодействия в современном транзитивном обществе является одной из важнейших, так как во многом именно общение детерминирует социальное развитие детей. В общении не только складываются отношения, передаются представления о мире и об окружающих людях, формируется коммуникативная компетентность, но и интериоризируются нормы и правила поведения, возникают новые эталоны и ценности.

При этом важны как отношения по вертикали (дети - взрослые), при которых происходит трансляция ведущих для культуры ценностей и эталонов, так и отношения по горизонтали между сверстниками, в процессе которых и формируются новые групповые эталоны и правила.

В процессе общения детей, сверстников и взрослых формируется и гражданская идентичность, становление которой является одной из важнейших задач современной социализации. Гражданская и социокультурная идентичность не только являются предпосылками продуктивного социального развития, но, как справедливо отмечает А.Г. Асмолов, и основанием для укрепления общества как «единства разнообразия», формирования социальных норм толерантности и доверия как условия диалога культур в многонациональном российском обществе

Тот факт, что взрослые остаются важнейшими образцами и эталонами для подрастающего поколения, является крайне важным фактом, определяющим направленность и динамику социальных преобразований, становление нового семейного, образовательного, информационного пространства, в котором разные институты социализации формируют ценности и социальные нормы поведения детей.

Важность такой деятельности особенно важна в настоящее время в связи с тем, что материалы современных исследований доказывают, что люди склонны оценивать мир в соответствии со своими ценностями. Так, люди, открытые к изменению мира, открыты и к изменению ценностей и не склонны к их консервации. Напротив, консервативные люди, отрицающие изменчивость

ценностей, склонны игнорировать и изменения социальной среды. Рассмотрение этой проблемы в культурно-историческом дискурсе показывает, что содержание и форма трансляции ценностей и норм является важной детерминантой социализации детей.

В понимании различий в содержании образа мира между взрослыми и подрастающим поколением необходимо учитывать тот факт, что дети выросли в новой социальной ситуации, которая воспринимается ими, в отличие от взрослых, уже не как изменчивая и текучая, но как стабильная, а новые социальные реалии, ценности и нормы – как существовавшие всегда. Это, наряду с отношением к информации, ее содержанию и способам ее получения существенно отдаляет их от взрослых. В то же время их осведомленность часто существенно отстает от их активности и умения контролировать и регулировать свое поведение, преодолевать трудности, инфантилизмом.

Проблема межпоколенного общения актуализируется в настоящее время следующими фактами:

- Кардинальными трансформациями социального пространства;
- Усилением социальной неопределенности;
- Увеличением продолжительности временного периода процесса социализации, активизацией ресоциализации и текучей социализации;
- Расширением информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи.

Серьезной проблемой является отсутствие фундаментальных психологических исследований и даже четкого определения, как самого понятия «поколение», так и факторов и механизмов межпоколенной трансмиссии.

Положительным моментом является наличие междисциплинарных исследований (социологических, экономических, культурологических, психологических), что доказывает продуктивность использования современной методологии постмодерна к анализу данного феномена.

В содержании психологических работ можно выделить, по крайней мере, три аспекта и направления в исследовании проблемы поколения

- Возрастно-психологический,
- Социально-психологический,
- Личностно-ориентированный.

Представляется, что в настоящее время возрастно-психологический аспект проблемы в определенной степени исчерпал себя. Не отказываясь совершенно от возрастных границ в определении поколения, необходимо признать, что это понятие не отражает полностью современную ситуацию, так как временные границы поколений изменяются. Традиционные возрастные группы дети-родители-дедушки и бабушки не являются абсолютными. В связи с серьезными трансформациями и текучестью норм возрастной разрыв между поколениями уменьшается и в этом смысле можно говорить о младших и старших подростках, как о двух поколениях, точно также можно говорить о дошкольниках и младших школьниках.

При этом социальные, экологические, культурные и этнические факторы оказывают все большее влияние на процесс образования новых поколений и временные границы между возрастными когортами. Доказательством того, что для определения поколения (и отграничения одного поколения от другого) служат именно смысловые и ценностные параметры, можно привести, например, имеющиеся сегодня определения поколений: потерянное поколение (Гертруда Стайн), молчаливое поколение, поколение Pepsi, поколение X (компьютерное), поколение Y и Z (Интернет-поколение).

Представляется, что можно использовать в качестве рабочего определение поколения как одной из форм неструктурированной большой группы, объединяющей людей с общими социальными представлениями, ценностными ориентациями и отношением к миру. Поэтому наиболее значимые исследования и результаты с моей точки зрения связаны с социально-психологическими и лично-ориентированными подходами к проблеме поколения.

С точки зрения и теории, и практики основной проблемой является изучение межпоколенной трансмиссии. Особенно важным этот вопрос представляется в связи с тем, что известные варианты трансмиссии, описанные М.Мид, в настоящее время не полностью отражают специфику взаимодействия и обмена информацией представителей разных поколений. Прежде всего, процесс передачи опыта проходит сложными, зигзагообразными путями – не только вниз или вверх (постфигуративные и префигуративные) или по горизонтали (конфигуративные). Проблема в том, что в мегаполисах и на периферии (например, в малых городах и поселках) межпоколенная трансмиссия существенно отличается как по содержанию, так и по формам. Можно говорить о том, что в больших городах процессы обмена опытом, перехода от одной формы трансмиссии к другой существенно ускорены по

сравнению с более традиционными малыми городами, особенно в этнически гомогенных областях.

Огромное значение для межпоколенных связей и обмена опытом имеет и информационное пространство, в которое погружены разные члены семьи. Например, полученные в наших исследованиях данные показывают, что подростки не доверяют телевизионной информации и многим сообщениям и советам старших, не совпадающим с содержанием информации из интернета. При этом чем моложе люди, чем больше влияния на их поступки оказывает Интернет, а чем старше – тем большее воздействие оказывает TV. Поэтому нарушение межпоколенной трансмиссии происходит и из-за несовпадения информационных предпочтений.

Трансформации межпоколенных взаимодействий в настоящее время происходят и по вертикали, и по горизонтали, и по глубине, и по времени. Контакты становятся все более беглыми и поверхностными. Эти изменения уже более десяти лет назад отмечали в своих работах З. Бауман и М. Грановеттер, говоря о том, что наше время – это время «слабых связей» между людьми даже в одной семье. Проблема межпоколенных взаимодействий заключается и в неадекватности как жесткой, так и слишком мягкой трансляции, а также, особенно доминирующей в большинстве культур форме трансляции норм и ценностей, при которой транслируются в основном отрицательные эталоны (так нельзя, это плохо), а не положительные.

Можно предположить, что в настоящее время одной из форм структурирования поколенного сообщества и одним из способов межпоколенной трансмиссии является обмен не изолированными ценностями и социальными представлениями, но субкультурами. Субкультура в данном случае с психологической точки зрения может рассматриваться как способ обретения поколенческой идентичности и социализация в выбранной группе. Внутреннее смысловое поле создает эмоциональную пассионарность, отгораживающую уже во внешнем плане одну субкультуру (поколенческую группу) от других.

С этой точки зрения перспективными направлениями исследования представляются изучение особенностей вертикальных и горизонтальных взаимодействий, а также анализ форм и механизмов межпоколенной трансмиссии.

Говоря о проблеме социализации современных подростков и молодежи невозможно обойти стороной вопрос о тех рисках, которые могут привести к появлению негативных тенденций и существенно осложнить процесс вхождения в

мир взрослых не только в дошкольном возрасте, но, в последующие годы. Коротко, можно скомпоновать негативные факты следующим образом:

Неопределенность современной социальной ситуации связана с трудностями социально-психологической адаптации к постоянно меняющимся условиям, а сама непредсказуемость социальных условий может приводить к усилению эмоциональной напряженности, невротизации детей, особенно в условиях жестко заданных и контролируемых взрослыми ситуациями

Изменчивость и неопределенность социальной ситуации связана и с изменчивостью стереотипов и ценностей, что приводит к снижению социализированности взрослых и косвенно отражается на дошкольниках. Еще одним риском, связанным с этим фактором, является заниженная самооценка и сниженный уровень оптимизма по отношению к своему будущему, проявляющиеся уже в 5-7 лет.

Изменчивость и неопределенность ценностных ориентаций связаны также с риском возникновения конфликта поколений в выборе ценностей. Отдельно следует выделять конфликт ценностей семьи и ОУ, прежде всего, в определении ценности образования. Это приводит к снижению престижа ОУ и педагогов в глазах родителей и детей.

Снижение позитивных оценок и ожиданий взрослых и повышение тревожности детей связано также с невысоким уровнем интериоризации задаваемых взрослыми эталонов. Причиной этого феномена является, прежде всего, наиболее распространенный способ трансляции эталонов, при котором задается весьма неопределенный и изменчивый положительный образец, но очень четкий и конкретный отрицательный.

Поэтому важным моментом, который необходимо учитывать в содержании и форме общения взрослых и детей, является создание активной среды, необходимой для самореализации в XXI веке. Поэтому требуется конструирование программ и направлений деятельности и семьи, и ОУ, отображающих процесс конструирования новой социальной действительности.

2 Информационное воздействие и информационная социализация

Можно говорить о двух вариантах влияния СМИ и СМК на подростков в зависимости от формы этого влияния – непосредственной или опосредованной разными факторами и условиями. Непосредственное, прямое влияние основывается на механизмах эмоционального заражения и обуславливания. Другая форма влияния опосредуется индивидуально-личностными и социально личностными факторами.

В качестве оптимального источника прямого информационного влияния можно рассматривать искусство в различных его формах. Учет/не учет культуры и культурных особенностей восприятия и переработки информации сказывается и в формах презентации информации и степени доверия к ней подростков. При этом надо учитывать, что, несмотря на тот факт, что российская (как и вся европейская) культура является вербальной, в настоящее время начинает все больше доминировать визуальный способ восприятия информации. Об этом важном феномене пишут многие ученые, констатирующие изменение способа восприятия мира. Еще недавно для большинства людей слово являлось одним из основных носителей информации и параметров, на основании которых выстраивалось представление об окружающем. Сегодня ведущей образующей картины мира становится образ, а основную информацию несут зрительные гештальты, поэтому такую актуальность приобретают работы психологов, которые исследуют способы перекодирования вербальной информации в образную. При этом важным моментом является способность того или иного образа не только нести информационную нагрузку, но и вызвать определенные переживания. С этой точки зрения оптимальными в качестве информационных эталонов являются художественные образы. Совершенно справедливо считается, что художественный образ несет определенную содержательную и смысловую нагрузку, а форма художественного произведения, дополняясь эмоциональными смыслами, помогает восприятию через отождествление творца и зрителя, идентификацию их образов и слияние смыслов и эстетических переживаний. На этом достаточно долго строились и концепции воспитательной роли искусства и его влияния на становление культурной идентичности человека.

В этом вопросе представляется целесообразным несколько сузить рамки проблемы, сфокусировав внимание на вопросе идентификации слушателей с образами, всплывающими в сознании при восприятии произведения искусства. Именно новая идентичность, если она формируется в процессе информационного восприятия, во многом становится основой тех новых смыслов, новых образов, которые входят в самосознание, человека и вызывают эмоции и к героям, и к самому себе. Однако, говоря о влиянии образов культуры на современных подростков, нельзя обойти вниманием тот факт, что невысокий уровень культуры вызывает у них трудности при восприятии спектаклей, музыки, живописи. Это связано и с тем, серьезно изменилось и окружение, появились новые эталоны, а старые наполнились новыми представлениями. Пути преодоления этой дилеммы связаны и с

повышением культуры, и с изменением эталонов, вернее, приближением их к современности, чтобы сделать понятными многим. Осознание этого факта открывает пути для анализа тех процессов, которые происходят сегодня в информационном пространстве культуры и проявляющихся, например, в осовременивании не столько самого сюжета, сколько способа его подачи зрителю. Изменение внешней формы романа или пьесы в этом случае служит для того, чтобы приблизить и сделать ее понятной зрителю, связать ассоциативно с близкими героями и ситуациями.

Говоря об информационном пространстве невозможно обойти вниманием и огромную роль современной музыки, которая существенно усовершенствовала способы воздействия на слушателей, соединяя определенные мелодии, уже не явно выраженные, с ритмом, и светом. Поэтому не только рок или блюз, но и современный рэп добиваются большего эмоционального резонанса, чем другие виды информационного воздействия. Состояние эмоционального возбуждения, почти экстатического, подкрепляется и движением, являющимся обязательным элементом таких концертов. Моторная активность стимулируется сочетанием высоких и низких тонов, громкостью и заданным ритмом. Все вместе — музыка, слова (имеющие хоть и починенное, но значение) и визуальные эффекты (свет, постоянно меняющий окраску и интенсивность, видеоэффекты, транслирующиеся на экраны) и движение дают необходимую разрядку, а потому популярность этой музыке постоянно растет. Интерес представляет и тот факт, что именно в недрах этого, направленного первоначально только на релаксацию, вида искусства, зарождаются в настоящее время и новые формы нравственного воздействия на зрителей-слушателей.

Как уже упоминалось, информационное воздействие может быть (и чаще всего является таковым) и опосредованным. Говоря о роли личностных качеств в процессе восприятия, переработки и интернализации информации, можно констатировать, что на сегодняшний день известно только о роли таких черт и состояний как напряженность, эмоциональная неустойчивость, неуверенность на характер воспринимаемой информации и степень восприимчивости к ней. При этом необходимо подчеркнуть, что развитие агрессивного поведения (но не агрессивности как черты личности) в этом возрасте не столько от информации, сколько от ее совпадения с эмоциональным состоянием подростков.

Таким образом, вопросы теории информационной социализации переходят в вопросы ее практики и эмпирики.

Имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют сделать вывод о том, что актуальность проблемы информационной социализации связана с большими возможностями расположенных в этом поле институтов и групп социализационного воздействия, а также с тем, что многие виды информации способны влиять не только на выбор стиля жизни подростков, но и на их представления о себе и мире.

Междисциплинарный дискурс этой проблемы расширяет возможности ее исследования и интерпретации полученных данных как в рамках когнитивной психологии и психологии личности, так и социальной психологии и задач развития. Недостаточная проработанность теоретических понятий и знаний ставит задачу разработки программы и методического инструментария исследований. Наиболее актуальным являются:

исследование механизмов трансляции и интериоризации норм, эталонов и ценностей,

изучение того, каким образом происходит восприятие, переработка и интерпретация информации, исходящей из разных источников и имеющей разную форму представленности (визуальную, вербальную, аудио).

проведение эмпирических исследований, дающих возможность определить структуру и степень интенциональности социальных представлений подростков и СМИ и СМК, а также степень их доверия к разным источникам информации.

изучение роли различных средств информационного воздействия на поведение и содержание идентичности подростков.

интеграция полученных материалов с проблемами реальной жизни, реальной социализации и формирования идентичности современных подростков.

3 Толерантность, социальное доверие и ксенофобия: определяющие факторы и группы риска

С начала 1990-х гг. российское общество находится в затяжном социальном и экономическом кризисе. Эпоха перемен, в которую современным россиянам довелось родиться, длится уже второе десятилетие. Как известно, в переходный период особое значение приобретают социальные отношения. Кого бояться и кого любят россияне, против кого будут «дружить»? Куда в России поворачивается психологический вектор, определяющий межгрупповые и межличностные отношения – к общности или к взаимному отчуждению?

Процессы глобализации превращают большие города, которые раньше обеспечивали защиту, в источники опасности. Для их жителей типичны страхи, тревоги, состояние неустойчивости и стремление не к общности, а к изоляции и

отделению от других. Насколько сегодня открыт и ориентирован на социальные отношения житель большого российского города – с одной стороны, поликультурного и перемешивающего, с другой – индивидуализирующего и разъединяющего? Кого этот житель не принимает, кому не доверяет, кого опасается? Насколько выраженными могут быть такого рода установки? И можем ли мы определить ту «точку кипения» чувств, ту выраженность установок, при которой фантомные предрассудки, негативные стереотипы и страхи превращаются в конкретные действия и поступки?

Существует три важных психологических феномена, исследуя которые можно получить ответы на поставленные вопросы – толерантность, доверие и ксенофобия. В течение нескольких лет сотрудники факультета психологии и научно-практического центра «Гратис» под руководством проф., д. псих. наук А.Г. Асмолова и проф., д. псих. наук Г.У.Солдатовой проводили «Мониторинг толерантности, социального доверия и ксенофобии» в различных регионах Российской Федерации. Для данного исследования был разработан специальный инструмент «Индекс толерантности, социального доверия и ксенофобии»³ – социально-психологический «термометр» состояния отношений в обществе, измеряющий различные показатели этих феноменов.

Первый феномен – толерантность – это тот «спасательный круг», за который ухватилось современное гуманитарное сообщество. Многие его представители приходят к мнению, что главной жизнеутверждающей идеей позитивного и оптимистического развития человечества должна стать толерантность. Такое мнение предполагает понимание толерантности как некой «срединной» точки на пути от ненависти к уважению и принятию. Одно это может стать важнейшим достижением в современном агрессивном мире. Уровень толерантности определяется через систему установок, ценностей и ориентаций личности, отражающих ее отношения к многообразию мира, к социальным, культурным, этническим и мировоззренческим различиям. Толерантная личность – это психологически устойчивый и нравственно

³ Над разработкой инструментария работали сотрудники центра «Гратис»: Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Скрипкина Т.П., Щепина А.И., Филилеева Е.В. В сборе данных принимали участие: Вершкова И.П. (Минводы), Ванданова Э. (Чита), Гаджиева Э.Г. (Махачкала), Лютая Т.А., Макачук А.В., Муратов В.В. (Орел), Прокофьева Т.Ю., Рыжкова А., Сабодаш П.А., Солдатова Г.У., Стешко И.В. (Калининград), Филилеева Е.В., Чубанова Т.Р. (Махачкала), Щепина А.И. В статистической обработке участвовал Кричевец А.Н.

зрелый человек, который настроен на развитие позитивных социальных, межкультурных и межличностных отношений, исключая конфронтацию и насилие.

Второй феномен – социальное доверие. Психологи рассматривают доверие как исходное условие общения, как отправную точку взаимодействия человека с миром. Важное условие возникновения доверия – это чувство безопасности и надежности, ощущение того, что окружающий мир не представляет угрозы. Уровень доверия определяется на основе установок и ожиданий по отношению к социальному миру и к самому себе.

Третий феномен – ксенофобия – неприязнь, враждебность и страх по отношению к непохожим на нас, «другим» – отдельным людям и целым группам. Ее психологическая функция – защита от других, ее цель – нерушимость границ и изоляция, либо полная, либо частичная. Уровень ксенофобии определяется через систему установок и оценок, отражающих положение на шкале «Мы-Они», «Свои-Чужие», через наличие авторитарных точек зрения на групповое взаимодействие, в котором «своя» группа доминирует, а «чужие» выполняют второстепенные роли и подчиняются. Последние становятся объектом ксенофобии, и позитивное взаимодействие между группами нарушается, увеличивая психологическую дистанцию между «своими» и «чужими».

В опросник вошла методика «Индекс толерантности» (Солдатова, Кравцова, Хухлаев, Шайгерова, 2002). Структура шкал и общая направленность этого экспресс-опросника была сохранена, но он был дополнен новыми вопросами. Специально были разработаны индикаторы, измеряющие ксенофобические установки. За основу блока «Доверие» была взята «Шкала доверия» Роттера, также дополненная новыми пунктами (Measures of personality..., 1991). Кроме того, в опросник были включены вопросы, позволяющие измерить различные социологические показатели социального самочувствия, и специальный блок, определяющий текущее эмоциональное состояние респондента. В данной статье мы представляем результаты блоков «Социальное самочувствие» и «Толерантность». Но сначала кратко охарактеризуем выборки представленных исследований.

Первый этап мониторинга толерантности, социального доверия и ксенофобии прошел в 6 городах, представляющих разные регионы России: центральные регионы – Москва, Орел; южные регионы – Минеральные Воды, Махачкала; восточный регион – Чита, западный – Калининград. Количество респондентов в регионах примерно равное. Общая выборка составила 543 респондента, из них 353 –

женщины и 180 мужчин. Возраст респондентов от 13 (старшеклассники) до 89 лет (см. таблица 1).

Таблица 1- Распределение по возрастам и образовательным группам

от	Возрас	%	Образова	б.
лет	до 18	20	неполное среднее	0
лет	18-25	31	среднее	0
лет	26- 40	22	средне- техническое	1
лет	41-55	17	неполное высшее	4
55 лет	старше	10	высшее	5

Кроме того, в данной статье представлены результаты исследования особенностей формирования личности в современных молодежных движениях и организациях России (Солдатова, Г.У., Каюмова И., Мартынова Н.) и влияния фактора участия в боевых действиях на личность военнослужащего (Солдатова Г.У., Канчукова И.). Материал первого исследования собирался в течение 2002-2004 гг. В число респондентов вошли члены Союза коммунистической молодежи РФ (48 чел.), представители молодежного движения «Идущие вместе» (45 чел.) и члены неформальной организации «скинхеды» (74 чел.). Общая выборка составила 167 человек. Возраст опрошенных от 15 до 27 лет. Материалы были получены на основе методик «Индекс толерантности» и Опросника правого авторитаризма Альтмейера (Altemeyer, 1981). Исследование влияния фактора участия в боевых действиях на личность военнослужащего проводилось в 2003-2004 гг. в Грозном (Чечня) и в Чите. В качестве респондентов выступили военнослужащие (солдаты срочной службы, контрактники, офицеры) в возрасте от 19 до 27 лет. Всего было опрошено 135 человек при помощи опросника «Индекс толерантности» и анкеты.

Оценка жизненной ситуации как показатель социального самочувствия личности

В анкету мониторинга были включены традиционные социологические вопросы: восприятие современной ситуации в России, оценка собственной жизненной ситуации и ее динамики, оценка уровня жизни россиян, доверие к государственной власти, отношение к проводимым реформам, оценка чувства безопасности в семье, на улице, на работе (или в школе) и в целом в стране и другие. Все эти показатели оказались относительно связанными между собой (корреляции в основном на уровне 0,2 – 0,3). Для данного исследования они выступили в качестве базовых фоновых вопросов, отражающих различные аспекты социального самочувствия отдельной личности и целых групп. Ответы на эти вопросы различаются по регионам, возрастным, образовательным, гендерным и другим характеристикам и служат для нас важной основой анализа психологических показателей по различным критериям и группам. Сначала рассмотрим выборку в целом и дадим самое общее представление о восприятии жизненной ситуации.

Факторный анализ определил категории, в соответствии с которыми социологические показатели объединились в три группы. В первую группу "социальное самочувствие" вошли индикаторы уровня и динамики материального положения, оценки состояния российского общества и личной жизненной ситуации. Эта группа объединяет наиболее важные показатели социального самочувствия. Они в большей степени, чем другие фоновые индикаторы, связаны с эмоциональным состоянием: чем более позитивные ответы дает на данные пункты респондент, тем больше у него положительных эмоций и меньше негативных.

По категории "социальное самочувствие" больше половины респондентов считают, что состояние российского общества напряженное (55%), треть оценивают его как относительно благополучное и около десятой доли опрошенных рассматривают его как критическое.

Сравнение субъективных оценок собственной жизненной ситуации дает несколько более позитивную картину: около половины респондентов считают, что «жить трудно, но можно терпеть». Если присоединить к ним оптимистов, считающих что «все не так плохо и можно жить», то число людей с позитивным настроением достигает уже 74%. Но все же почти пятая часть опрошенных отмечают, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно».

Половина опрошенных считают, что материальное положение за последние три года не изменилось, четверть полагают, что оно ухудшилось, в то же время снижение уровня жизни россиян отмечают 40% респондентов. Собственное материальное положение половина респондентов определяют как "среднее", треть

опрошенных оценивают его "ниже среднего" и всего 4% – как "плохое". Довольны своим материальным положением только 15% респондентов.

Следующая группа индикаторов – отношение к властям, к проводимым реформам, стратегии вложения денежных средств – объединилась в категорию, проинтерпретированную нами как «социальное доверие». По этой категории были получены менее позитивные ответы. Особо проблемный вопрос – доверие к государственной власти: только 8% продемонстрировали полное доверие и 35% полагают, что власть совсем не заслуживает доверия. Реформы в основном одобряются, хотя около 8% опрошенных предлагают их прекратить, и многие хотели бы, чтобы была пересмотрена программа реформ (48,9%). О низком социальном доверии говорит и то, что больше половины респондентов предпочитают либо сразу тратить деньги, «так как неизвестно, что будет завтра», либо хранить их дома. И как итог, безопасность в своей стране чувствует лишь один человек из 10, а безопасность на улице не достигает даже этой цифры – 8,8%; уровень безопасности высок только в кругу семьи (Рисунок 1).

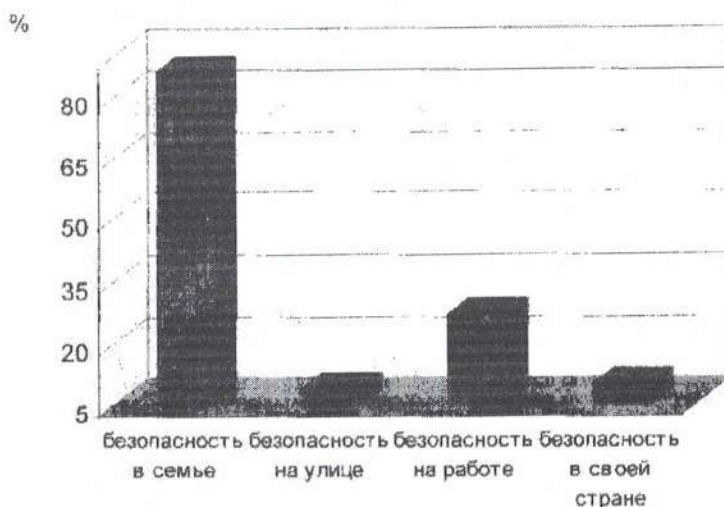

Рисунок 1- Чувство безопасности в разных жизненных сферах

Последний индикатор в числе других вошел в третью категорию "безопасность", включающую показатели оценки безопасности в различных жизненных сферах. Итак, только в семье россиянин чувствует себя защищенным. Отметим также, что чувство безопасности в семье имеет отрицательную корреляцию с чувством безопасности в своей стране.

Разделив наших респондентов на пять возрастных групп, мы обнаружили, что по мере взросления восприятие жизненной ситуации становится все менее оптимистичным: наибольший оптимизм характерен для респондентов до 25 лет, а наименьший – для тех, кто старше 55 лет (Рисунок 2). Более 40% респондентов старше 40 лет отметили, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», для сравнения только 15% респондентов из группы моложе 25 лет разделяют эту точку зрения, кроме того, они в 3 раза чаще выбирают ответ «все не так плохо и можно жить».

Рисунок 2 - Оценка жизненной ситуации в разных возрастных группах

Кроме возраста, на социальное самочувствие влияет фактор образования⁴. Респонденты с неполным высшим и высшим образованием в целом более оптимистично воспринимают жизненную ситуацию, особенно это касается студентов.

Сравнение ответов на данные вопросы по регионам показало, что на фоне других городов жители Москвы демонстрируют больший оптимизм и удовлетворенность жизнью. Позиция «все не так плохо и можно жить» разделяется более чем половиной москвичей, участвовавших в исследовании, и почти половина респондентов отмечают, что уровень жизни за последние 3 года вырос (Рисунок 3). Более трети оценивают свое материальное положение как хорошее. В

⁴ Здесь и далее использован однофакторный дисперсионный анализ.

эмоциональном состоянии москвичей преобладают положительные эмоции, в первую очередь интерес, любопытство, любовь.

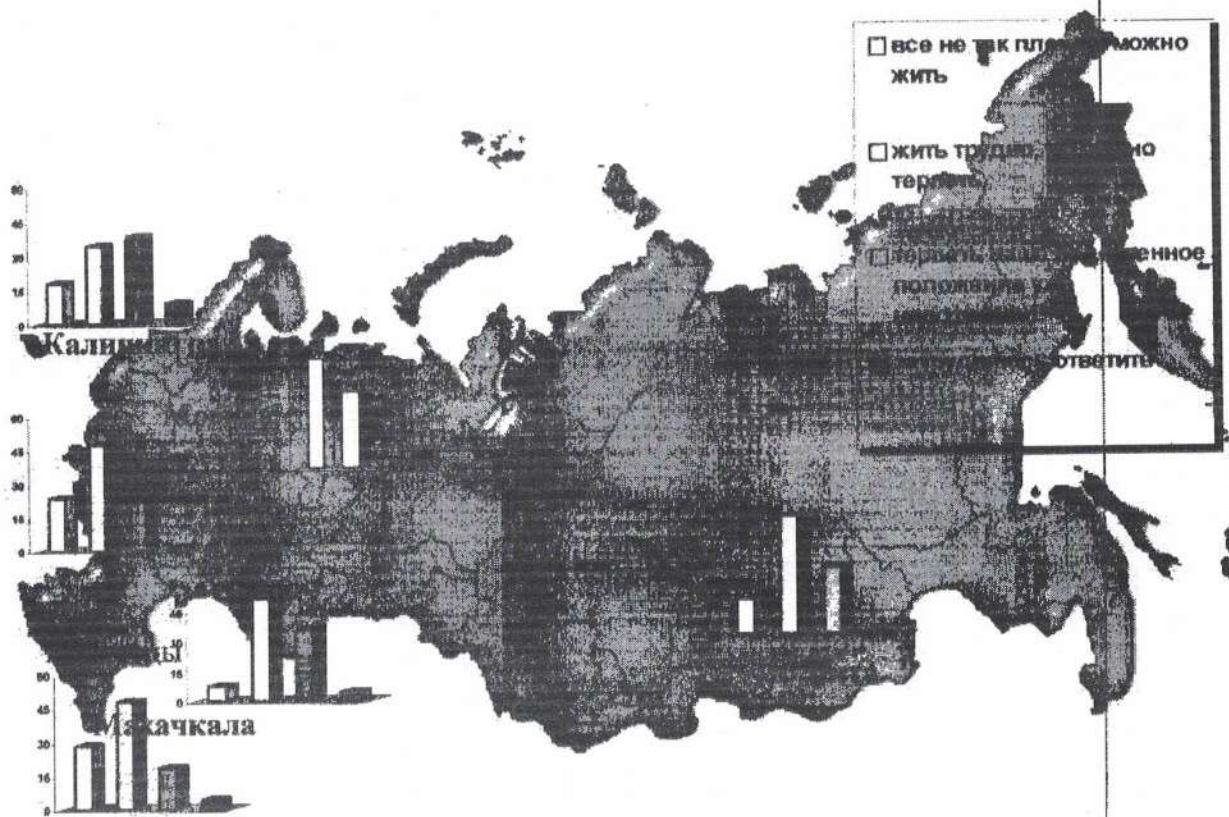

Рисунок 3 - Оценка жизненной ситуации в разных регионах.

По показателям социального самочувствия по сравнению с жителями других городов отличаются жители Калининграда. Особенно выделяются ответы калининградцев на вопрос «Следует ли продолжать социальные реформы?»: практически треть опрошенных считают, что реформы следует прекратить, что в 4 раза превышает число респондентов, имеющих такое же мнение в других городах. Проблемы, которые стоят на первом месте в Калининграде – это рост цен, рост преступности (эти проблемы актуальны и для других регионов), коррупция, экономический кризис, почти треть калининградцев опасаются вооруженных конфликтов. Второе место по неблагоприятному социальному самочувствию занимают Минеральные Воды. Практически 70% респондентов отмечают обстановку российского общества как напряженную, 58% считают, что уровень жизни снизился, и только очень небольшой процент респондентов считают, что вырост (9%); материальное положение ниже среднего у 35%. Таким образом, негативное социальное самочувствие жителей Минеральные Вод складывается в основном из недовольства экономическим положением. Чита, как и Минеральные

Воды, – не очень благополучный регион по индикаторам социального самочувствия. Ее жители по сравнению с жителями других городов оценивают свой уровень жизни как более низкий. Тем не менее, общая социальная обстановка жителями Читы воспринимается позитивнее.

Орел занимает среднее положение по социальному самочувствию. И даже лидирует по позиции «нужно продолжать реформы» (41%). Практически догоняет Москву по показателям социального самочувствия Дагестан. Треть дагестанцев отмечают, что уровень жизни вырос и «все не так плохо и можно жить». А в отношении состояния российского общества дагестанцы оказались даже более оптимистичными, чем все другие регионы: 38% считают, что оно «относительно спокойное». Характерные именно для Дагестана проблемы – безработица, обострение межнациональных отношений, произвол властей. Помимо экономических проблем, дагестанцев волнуют и национальные отношения.

Как показывают результаты мониторинга, психологические показатели толерантности, доверия и ксенофобии находятся в определенной взаимосвязи с социологическими показателями социального самочувствия. По мере снижения уровня социального самочувствия наблюдается, с одной стороны, уменьшение доверия и толерантности, а с другой – рост ксенофобии. Так, низким уровнем толерантности и доверия и высоким уровнем ксенофобии отличаются респонденты, которые драматически воспринимают свою жизненную ситуацию – «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». Такая позиция определяет снижение уровня толерантности (в первую очередь этнической) и межличностного доверия, а также рост ксенофобии (Рисунок 4). Оценка современного состояния российского общества как критического, взрывоопасного также связана с низким уровнем толерантности и доверия и высоким уровнем ксенофобии, прежде всего, по отношению к незнакомым людям.

Рисунок 4 - Показатели толерантности, доверия, ксенофобии и оценка жизненной ситуации.

Динамика материального положения (улучшилось-ухудшилось) оказывает определенное влияние на этническую толерантность: те, кто отмечают, что за последнее время уровень жизни россиян в целом снизился, демонстрируют меньшую толерантность к этническим меньшинствам, чем те, у кого он вырос.

Толерантность

Анализ толерантных установок проводился по факторам «социальная толерантность» и «личностная толерантность» и по заданным априорно трем шкалам индекса толерантности: «этническая толерантность», «социальная толерантность» и «толерантность как черта личности».

Сравнение выраженности толерантных и интолерантных установок в целом по выборке показало, что жители больших городов России чаще готовы выражать общие гуманистические установки и быть толерантными при непосредственном межличностном контакте, чем демонстрировать толерантное отношение к различным социальным институтам и группам.

Уровень толерантности в различных городах России оказался неодинаковым. Жители Москвы – полиэтнического мегаполиса и Махачкалы – столицы полиэтнического Дагестана – показали себя наиболее толерантными (Рисунок 5). Уровень этнической толерантности у жителей Махачкалы значительно превышает все подобные показатели по другим городам. В Дагестане проживают свыше 30 народов, и ни один из них, хотя они существенно различаются по численности, не

обладает явным демографическим превосходством, которое бы дало возможность почувствовать себя фактическим большинством. Практически все население Дагестана состоит из этнических меньшинств. Этническая мозаичность этой республики – важный фактор, определяющий формирование у ее жителей высокой этнической толерантности.

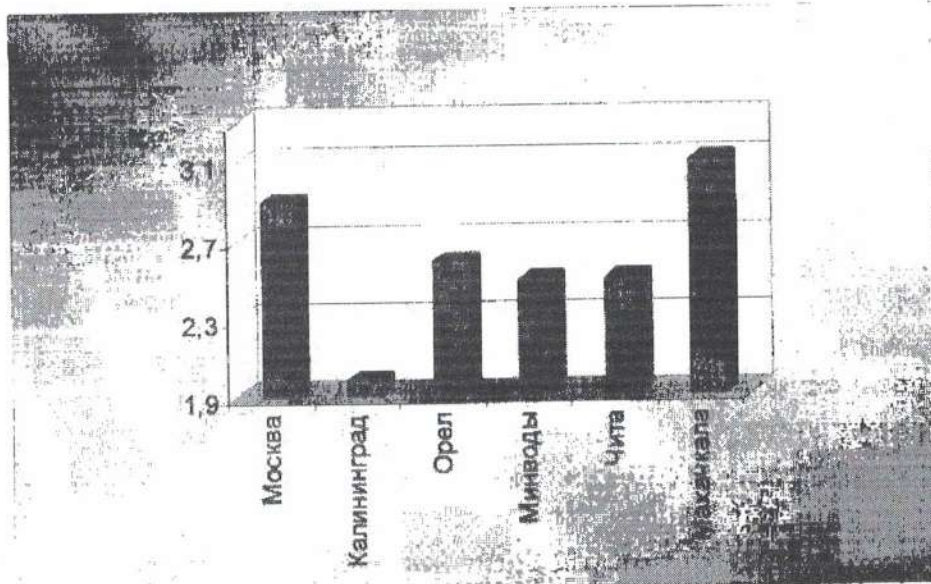

Рисунок 5 - Уровень толерантности у жителей разных городов⁵.

Низким уровнем толерантности на фоне остальных респондентов резко выделяются жители Калининграда (Рисунок 5). Недовольство проводимой политикой, агрессивный эмоциональный фон, общая напряженность, отличающие Калининград от других городов, включенных в мониторинг, видимо, послужили катализаторами интолерантности у его жителей. Кроме того, не стоит забывать об уникальном геополитическом положении Калининграда. Являясь «городом-анклавом» (причем не только в географическом, но и в психологическом смысле), Калининград стал «своим среди чужих», что, естественно, не могло не сказаться на идентичности и настроениях калининградцев.

Уровень толерантности в Минеральных Водах также невысокий, исключение составляет социальная толерантность: к социально уязвимым группам жители Минеральных Вод относятся несколько более терпимо, чем жители Калининграда. Аналогичный уровень толерантности демонстрируют респонденты Читы. Но в этом регионе, в отличие от Минеральных вод, выше этническая толерантность, а не

⁵ Данные представлены в средних значениях по категоризированным переменным (категоризация на 4 квартиля).

социальная. Большой интолерантности в Чите следует ждать по отношению к социально уязвимым группам. Специфической особенностью читинских респондентов является расхождение личностных и социальных установок: фактор социальных установок и фактор личностных установок имеют небольшую, но значимую отрицательную корреляцию. Орел по показателям толерантности занимает среднее положение по сравнению с другими городами.

Для анализа возрастных особенностей проявлений толерантности, доверия и ксенофобии респонденты были разделены на четыре статусно-возрастные категории: школьники (ученики 10-11 классов), студенты, взрослое работающее население, пенсионеры. Анализируя показатели толерантности по этим группам, мы получили данные, подтверждающие результаты наших предыдущих исследований, а также исследований других авторов: уровень толерантности ниже у подростков и людей старшего возраста (пенсионеров), студенчество же, напротив, наиболее толерантная категория. В целом можно отметить, что кривая индекса толерантности в зависимости от возраста начинается с низких значений толерантности у подростков, затем претерпевает резкий скачок вверх на уровне студенчества и далее снижается, но даже у пенсионеров не достигает таких низких значений, как у подростков.

Старшеклассники демонстрируют низкий уровень толерантности и в межличностном, и в межгрупповом контексте, но в большей степени на личностном уровне, в то время как все взрослые категории респондентов по этому показателю близки друг к другу и имеют схожие высокие значения. Такая картина свидетельствует об особой значимости и неудовлетворенности подростка в первую очередь межличностными отношениями и о тенденции тотальной трансформации такой неудовлетворенности в интолерантные установки. Кроме того, школьники категоричны по отношению к обще-гуманистическим установкам.

Несмотря на это, подростки демонстрируют лояльность к конкретным маргинальным социальным группам (беженцам, бродягам, психически неполноценным) в отличие от пенсионеров, которые оказались настроены к ним интолерантно. Таким образом, в общей кривой, которую мы описали, заложены разные тенденции у разных возрастных групп: интолерантность подростков в большей степени складывается из личностных установок, а интолерантность взрослых работающих респондентов и пенсионеров – из социальных установок.

Гораздо более сильное влияние, чем фактор возраста, на формирование толерантных и интолерантных установок оказывает фактор образования. Этот

показатель отмечен как самый значительный из всех анализируемых. Психологи считают, что образование положительно коррелирует с толерантностью, и эта связь передается следующим поколениям. Образованность расширяет взгляд на мир, позволяет видеть все общество в целом и понимать, что благополучие одной группы связано с благополучием всех остальных. В исследовании было получено эмпирическое подтверждение этого тезиса: по всем шкалам толерантности респонденты с высшим или с неоконченным высшим образованием демонстрируют значительно более высокий уровень толерантности, чем респонденты со средним образованием.

Сравнение показателей по различным шкалам толерантности показало, что респонденты со средним и средне-техническим образованием значительно менее толерантны и по отношению к социальным группам, и по отношению к этническим меньшинствам, чем те, кто получил высшее образование. При этом с возрастом (после 40 лет) у респондентов со средним образованием значения по индексу толерантности снижаются, а у респондентов с высшим остаются неизменными. Самый низкий уровень толерантности был обнаружен у респондентов, не окончивших среднюю школу. Но не во всех случаях фактор образования выступает как доминирующий. Так, по шкале социальной толерантности он значим только у респондентов моложе 55 лет, у респондентов старше 55 лет вступает в действие фактор возраста и наблюдается снижение уровня толерантности в обеих образовательных группах. Та же закономерность проявляется по шкале толерантность как черта личности: в данном случае влияние образование существенно до 40 лет.

Анализ гендерных различий выявил следующую картину. Сопоставляя значения показателей личностной и социальной толерантности у мужчин и женщин, мы обнаружили, что влияние пола сказывается главным образом на личностной толерантности. Женщины более доверчивы и толерантны именно в сфере межличностного общения. Они менее склонны проявлять ответную агрессию, более готовы прислушиваться к мнению другого, признавать равенство прав различных групп и более доверчивы по отношению к близкому окружению. Но большая толерантность женщин не проявляется на уровне стереотипов по отношению к конкретным группам. Женщины, как и мужчины, могут считать, что люди той или иной национальности обладают негативными чертами, но тем не менее, готовы принять их в свое близкое окружение.

Степень проявления гендерных различий зависит от региона. Наиболее выражены они в Дагестане, что, возможно, объясняется культурными особенностями этого региона. В Москве, где поло-ролевые различия все более минимизируются и ценностные ориентации женщин сближаются с мужскими, гендерных различий по толерантности, ксенофобии и доверию выявлено не было.

С помощью исследования уровня толерантности возможно выявление групп риска, подверженных нетерпимости. Подтверждением этого служит сравнение представителей неформальной организации скинхеды со студентами в разных городах: индекс толерантности у скинхедов значимо ниже, чем у студентов Москвы и Махачкалы, у которых он оказался одинаково высоким. Ориентированность этой группировки на националистические идеи и агрессию как главный способ взаимодействия с представителями других этнической и социальных групп естественным образом отразилась на уровне толерантности.

Как показало исследование, не только для скинхедов характерен низкий уровень толерантности. У представителей молодежных движений с помощью опросника Альтмейера исследовалась склонность к антидемократической ориентации – так называемому «правовому авторитаризму». Этот опросник диагностирует совокупность установок, отражающих «авторитарное подчинение» (степень подчинения воспринимаемой законной власти в обществе), «авторитарную агрессию» (допущение со стороны власти агрессии и враждебности по отношению к представителям различных групп) и «консерватизм» (строгое соблюдение норм и традиций, которые воспринимаются как санкционированные признанной властью).

Средние значения по шкале правого авторитаризма выявлены у представителей молодежной организации «Идущие вместе», а также у группы студентов, выступающей в данном исследовании в качестве контрольной. По сравнению с этими двумя группами, высокий уровень антидемократической ориентации показали скинхеды (высокие значения по шкале правого авторитаризма в этой группе респондентов достигают 40%, для сравнения в группе членов движения «Идущие вместе» они не превышают 4%, а в студенческой группе – 1%). Еще выше показатель правого авторитаризма у представителей Союза коммунистической молодежи РФ, который превышает аналогичный показатель скинхедов более, чем в два раза. Высокие значения, отражающие антидемократическую ориентацию, у молодых коммунистов достигают 80 % от всего числа опрошенных представителей этой группы. Сравнительный анализ шкалы правого авторитаризма по субшкалам, представленным выше, показывает

высокие значения, во-первых, «авторитарной агрессии» и, во-вторых, «консерватизма» у скинхедов и молодых коммунистов.

Другим фактором риска в отношении доминирования установок нетерпимости является ситуация военных действий. Исследование влияния участия в боевых действиях на личность военнослужащего также выявило значимые различия по индексу толерантности между разными группами военных и контрольной группой студентов и определило еще одну группу риска. Фактор участия в боевых действиях оказал существенное влияние на уровень толерантности военнослужащих. Военные, принимавшие участия в боевых действиях (г. Грозный), показали более низкий уровень толерантности. У военнослужащих (г. Чита), которые не участвовали в боевых действиях, уровень толерантности в целом немного ниже, чем у контрольной группы студентов, но не так высок как у тех, кто участвовал в боевых действиях. Особенно близки значения индекса толерантности студентов и солдат срочной службы.

Среди военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, самый низкий уровень толерантности оказался у офицеров, а самый высокий – у солдат срочной службы. Сравнение значений по отдельным шкалам толерантности по группе военнослужащих выявил, что наибольшее влияние факт участия в боевых действиях в Чечне оказал на снижение этнической толерантности и на формирование толерантности как личностной характеристики. Причем, если у контрактников снижена в большей мере этническая толерантность, то у офицеров – социальная толерантность и толерантность как черта личности. Но все-таки эти различия гораздо менее существенны, чем те, которые определяются фактором участия в боевых действиях.

Ксенофобия

Ксенофобия – страх перед чужаками, неприязнь и враждебность по отношению к непохожим на нас отдельным людям и целым группам. Это система установок, связывающих фактор угрозы с теми, кто причислен к категории «чужих». Исследовать эти их можно разными способами. Мы уже обозначали первый, самый обобщенный показатель, фиксирующий установки по отношению к различным этническим и социальным группам, выраженность этнофобий и этнокультурной предубежденности – «этническая и социальная толерантность». Но в мониторинг были включены еще два показателя, позволяющий дифференцировать ксенофобские установки и анализировать их направленность. Первый из них – индекс ксенофобии, вычисляемый по сумме двух шкал опросника – «ксенофобия в

отношении стигматизированных чужих» и «ксенофобия в отношении незнакомых». Под «стигматизированными чужими» понимаются группы людей с определенными физическими, психическими и социальными особенностями, которые большинством членов данного общества воспринимаются как нежелательные, и к которым как бы прикрепляется ярлык или клеймо (стигма), отделяющие их от остального мира. Это представители сексуальных меньшинств, больные СПИДом, инвалиды, проститутки, наркоманы, преступники, бомжи, психически неполноценные, беженцы.

Второй показатель – рейтинг «чуждых групп», который позволяет выявить конкретные адресаты ксенофобии и интолерантности. Респондентам в рамках анкеты предлагался перечень этнических меньшинств, социально уязвимых и стигматизированных групп (всего 18 групп). Давалась инструкция выбрать те группы, которые респондент считает чуждыми для себя. При ответе можно было отметить неограниченное количество «чужих», поэтому этот показатель кроме качественного анализа – на какие именно группы направлена ксенофобия – предполагает и количественное выражение: в какой степени окружающий социальный мир выступает как чуждый, опасный и отвергаемый.

На основе факторного анализа полученных ответов чуждые группы разделились на четыре класса. Первый условно был назван «восточные чужие», в него вошли: китайцы, кавказцы, чеченцы, мусульмане, цыгане, мигранты (беженцы), украинцы (попавшие также в представляемый ниже класс «славяне»). Все эти группы либо проживают на территории Российской Федерации, либо прибывают в Россию как экономические или вынужденные мигранты. Скорее всего, они ассоциируются у россиян с угрозой их физическому или материальному благополучию.

Следующий класс оказался наиболее неоднозначным и в сравнении с первым получил условное название «западные чужие» – в него вошли американцы, евреи, африканцы и гомосексуалисты (попавшие также в представляемый ниже класс «стигматизированные чужие»). Представители этих групп, вероятно, воспринимаются россиянами как отличающиеся по образу и стандартам жизни, ценностям, мировоззрению. Возможно, что с этой группой у россиян в большей степени ассоциируется страх разрушения ценностей, традиций, убеждений, установок. Если «восточные чужие» в восприятии россиян могут представлять реальную угрозу (терроризм, конфликты, войны, конкуренция на рынке труда), то «западные чужие» – это скорее символическая угроза идентичности россиян.

Третий класс – «стигматизированные чужие»: бомжи, больные СПИДом, проститутки, гомосексуалисты (вошедшие также в класс «западные чужие»), психически неполноценные, наркоманы, мигранты (попавшие также в класс «восточные чужие»). С этой группой связана угроза реальных и символических негативных последствий для личности и для группы. Являясь «отклонением от нормы», стигматизированные чужие порождают страх перед чем-то, что выходит за пределы среднего и привычного.

И, наконец, четвертый выделенный класс это – русские, православные и украинцы – он получил название «славяне». Выделенные группы позволяют проанализировать семантическое поле ксенофобии с точки зрения конкретных мишеней, на которые направлены агрессия и неприятие.

Десятая часть всех опрошенных либо не захотели искать чуждые группы, либо не нашли таковых среди представленного списка. У всех остальных поиск чужих не вызвал особых затруднений, а породил скорее явный и похожее естественный интерес. Каков же главный объект ксенофобии в российском обществе? На первом месте вовсе не этнические и не религиозные группы. Главной мишенью ксенофобии оказались стигматизированные группы: больные (наркоманы, больные СПИДом), психически неполноценные, люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, проститутки, бомжи

В среднем каждый респондент назвал чуждыми 3 стигматизированные группы. В системе чужеродности россиян эти «чужие» не только занимают первое место, но значительно (более чем в 3 раза) опережают все другие группы. Символическая угроза идентичности, которую они несут, оказывается даже более существенной, чем реальная угроза, исходящая от чеченцев. Больше всего россияне опасаются наркоманов, бомжей, гомосексуалистов и проституток

Следом за «стигматизированными чужими» в иерархии чужеродности находится группа «восточные чужие», среди которых в качестве «наиболее чужих» выступают чеченцы, цыгане, кавказцы, китайцы. Далее следует группа «западные чужие», все представители которой получили приблизительно одинаковый рейтинг. И последняя группа – «славяне», их «чужими» называют крайне редко даже жители Махачкалы, представляющие различные этнические группы Дагестана (Рисунок 2).

У разных региональных, образовательных и возрастных групп существуют свои «предпочтения» в выборе чужих.

Сравнение индекса ксенофобии у жителей различных городов показало, что наиболее высокий уровень ксенофобии демонстрируют калининградцы, а самый

низкий – жители Махачкалы. Причем, ксенофобия калининградцев в большей степени направлена на стигматизированные группы. А низкий уровень ксенофобии дагестанцев складывается в основном за счет позитивного отношения к незнакомым. Культура гостеприимства, характерная для Кавказа, по-видимому, сглаживает естественное опасение незнакомцев.

Наименее предубеждены по отношению к стигматизированным чужим москвичи. И, несмотря на это, Москва лидирует по диапазону отмеченных чуждых групп. Это можно объяснить тем, что, являясь мегаполисом, Москва принимает большое количество приезжих, и москвичи чаще, чем жители других городов, сталкиваются с представителями различных этнических и социальных меньшинств. Неизбежность этого процесса «вынуждает» москвичей, с одной стороны, адаптироваться к многообразию и проявлять толерантность, по крайней мере, на уровне декларируемых позиций по отношению к различным группам. Но с другой стороны, наплыв приезжих и рост многообразия требует определенной психологической работы по обеспечению необходимого уровня закрытости для сохранения собственной идентичности.

Что касается адресатов интолерантности в разных городах, то Чита, Калининград и Москва – наиболее негативно по сравнению с жителями других городов относятся к группе «восточные чужие» (особенно к чеченцам), в отличие от Махачкалы и Минеральных Вод. В свою очередь дагестанцы, а также жители Читы лидируют по уровню предубежденности по отношению к «стигматизированным чужим». Дагестанцы по крайней мере в 3 раза реже называют чужими чеченцев. При этом они в большей степени опасаются проституток и психически неполноценных. По отношению к группе «западные чужие» наименьшее неприятие проявляет Калининград – как город, который близок (видимо, не только территориально) западному миру, а жители Читы, Махачкалы и Москвы чаще воспринимают западные ценности как чуждые.

Направленность ксенофобии зависит от возраста. Школьники, как наименее толерантная группа, в целом выбирают большое количество чуждых групп. Это период, когда категория «чужие» сильно увеличивается в размере. Социальный мир представляется подростку как четко разделенный на «Мы» и «Они», причем «Они» окрашиваются с присущим подростковому возрасту максимализмом преимущественно негативно. Взрослые люди живут в менее субъективно опасном мире, но их системы чужеродности сильно зависят от возраста. Мы получили значимые различия в отношении тех, кто считается «чужим», у взрослых

возрастных групп (старше 18 лет). Выбор групп класса «восточные чужие» и фактор возраста образуют обратную линейную зависимость: чем старше респондент, тем менее чуждыми являются для него группы, составляющие этот класс. Прежде всего, кавказцы и цыгане с возрастом перестают играть роль «чужих». И ни один респондент старше 40 лет не включил в «чужих» украинцев, по-видимому, при разделении на «своих» и «чужих» у этой группы людей еще действуют стандарты советской идентичности.

По отношению к «стигматизированным чужим» выявлена та же линейная зависимость, только с обратным знаком: с возрастом адресат ксенофобии от «восточных чужих» смещается в сторону «стигматизированных». Чем старше люди, тем большее значение начинают приобретать не реальные, а символические угрозы, затрагивающие сложившийся образ социальной нормы, то, что приемлемо с точки зрения стандартов идентичности.

Значимые различия проявляется и в отношении «западных» чужих. Западные ценности наиболее близки возрастной категории от 25 до 40 лет. Старшее поколение, ориентированное на консервативное сохранение своей системы ценностей, и современное студенчество, напротив, видят символическую угрозу в западном мировоззрении. Особенно негативно настроены студенты по отношению к американцам. Для некоторых людей старше 55 лет до сих пор актуальна такая разновидность советской ксенофобии как антисемитизм.

Не только возраст, но и уровень образования влияет на показатель ксенофобии. Он находится в такой же зависимости от уровня образования, как и показатель толерантности: чем выше уровень образования, тем слабее выражены ксенофобские установки. Респонденты с высшим и неоконченным высшим образованием более открыты миру, их мир «чужих» значительно уже, чем у респондентов со средним образованием. Количество отмеченных чуждых групп коррелируют с индексами толерантности (-0.42) и ксенофобии (0.35). Но если ответы на опросник могли быть подвержены социальной желательности, то выбор чуждых групп не имеет корреляции со шкалой лжи. Таким образом, можно утверждать с достаточной уверенностью, что образование действительно является существенным фактором, влияющим на толерантность и ксенофобические установки личности.

Главная мишень ксенофобии и интолерантности у лиц со средним образованием – это мигранты и представители Кавказа. Именно в это русло легче

всего направить ксенофобию мало образованных людей пропагандой, которую ведут националистически настроенные организации и СМИ.

Анализируя гендерные различия, мы обнаружили, что у мужчин и женщин адресаты интолерантности разные. Мужчинам свойственно чаще, чем женщинам, называть чуждыми «западных чужих» (американцев, евреев, гомосексуалистов, африканцев). По регионам это проявляется в Махачкале и Калининграде. А вот женщины (особенно в Москве) считают чуждыми для себя бомжей и наркоманов, т.е. стигматизированные группы, представляющие «социальное дно», с которыми можно столкнуться в обычной жизни, и которые могут оказаться реально опасными.

Поиск и определение чуждых групп связано также с субъективными показателями социального самочувствия. Чем более психологически тяжелой воспринимается ситуация, тем уже круг «своих» и тем больше чуждых групп мы находим вокруг.

В этом контексте показательна связь ксенофобских ориентаций с чувством безопасности и, следовательно, с фактором угрозы, которую субъективно ощущают люди и которая является основой их социальных страхов. 60% респондентов отметили, что они ощущают себя в безопасности только в семье. Эти респонденты не чувствуют себя в безопасности в других более широких социальных сферах: на улице, на работе, в своей стране. Их безопасное жизненное пространство ограничено только семьей. По мере расширения социального жизненного пространства (от семьи до страны) количество людей, отмечающих, что чувствуют себя в безопасности, уменьшается.

Чем в меньшей степени жители больших городов ощущают себя в безопасности на работе, на улице или в школе, тем больше чуждых и опасных групп они находят за их пределами. Противоположный эффект оказывает высокий уровень ощущения безопасности в семье: чувствуя себя защищенным в своей семье, человек чаще воспринимает окружающий мир как более чуждый. В обоих случаях безопасное социальное пространство человека существенно уменьшается, а ксенофобская ориентация усиливается.

Эти данные показывают, что снижение чувства безопасности и рост ощущения угрозы становятся важным фактором, стимулирующим рост ксенофобских установок. Угрожающий мир вынуждает дозировать степень открытости и доверия. Мы рассмотрели, какие социальные группы воспринимаются жителями больших городов как опасные и чуждые, теперь обратимся к другому полюсу отношений – к проблеме доверия. Доверие – это также определенное

отношение к инаковости другого. В зависимости от того, как решается вопрос о доверии, человек регламентирует свои отношения с миром, определяя степень возможной открытости.

Доверие

Индекс доверия включал в себя две шкалы: «социальное доверие» и «межличностное доверие». Сравнительный анализ шкал доверия показал, что жители всех городов в большей степени готовы проявлять доверие в межличностной сфере, чем по отношению к различным социальным институтам и группам. Эта тенденция характерна для всех исследуемых нами статусно-возрастных категорий.

Как и ксенофобские ориентации, степень доверия зависит от субъективных показателей социального самочувствия, в частности, от ощущения безопасности, отсутствия фактора угрозы. Чем более защищенным чувствует себя человек в семье, на улице и на работе (т.е. в узких социальных контекстах), тем в большей степени он готов проявлять доверие в межличностных отношениях. Кроме того, такая позиция сопровождается более позитивным эмоциональным фоном. Особенно важно для межличностного доверия чувство безопасности в семье, которая является отправной точкой всех взаимоотношений человека с миром. У респондентов, чье безопасное социальное пространство расширено до границ страны, значимо выше уровень социального доверия.

Несмотря на низкие показатели социального самочувствия и низкий уровень толерантности, наиболее социально доверчивыми оказались калининградцы. Такой результат свидетельствует о том, что между доверием и толерантностью не существует однозначной связи. Кроме того, это определяется и особенностями данных психологических феноменов – доверие (и межличностное, и социальное) связано с самостью человека, это интимная характеристика Я, в то время как толерантность – это скорее «публичная» характеристика Я, связанная с отношениями. В связи с этим социальная ситуация может спровоцировать конфликт между проявлениями толерантности и доверия. Например, как в случае Калининграда, где была выявлена сопряженность высокого уровня социального доверия с интолерантностью (корреляция $-0,31$). Можно предположить, что такая связь формируется в результате роста напряженности, обусловленной окружением «чужими», отношение которых калининградцы нередко воспринимают как враждебное, и необходимости в целях снижения этой напряженности доверять «своим» – местным властям, от которых ждут защиты и поддержки. Схожая тенденция проявляется в Чите. Для жителей самого восточного и самого западного

городов, включенных в наше исследование, оказался характерен внутриличностный конфликт, основанный на разнонаправленности установок личностного и социального уровней: желание и стремление доверять входит в противоречие с реалиями окружающего мира, с неудовлетворенностью социальными отношениями и их напряженностью.

Для москвичей же, напротив, характерна связь доверия и толерантности (+0.5). Возможно, именно благополучное социальное самочувствие москвичей стало основой для такой связи. Школьники и студенты – категории с позитивным социальным самочувствием – также обнаруживают связь этих индексов. Таким образом, по-видимому, положительная связь между доверием и толерантностью возникает при условии восприятия социальной действительности в целом как позитивной, неугрожающей и говорит об отсутствии внутриличностных конфликтов. И все же ожидать интолерантности прежде всего стоит от людей с низким межличностным доверием, причем в первую очередь у них снижается социальная толерантность

1 – группа с низким уровнем межличностного доверия

2, 3 – средний уровень межличностного доверия

4 – высокий уровень межличностного доверия

С уверенностью можно сказать, что межличностное доверие гораздо более связано с толерантностью в целом, чем социальное доверие. Доверие к социальным структурам может сопровождаться толерантным отношением и отсутствием ксенофобии, но это совсем не обязательно. Социальное доверие даже обнаруживает небольшие отрицательные корреляции с толерантностью как чертой личности (например, в Минеральных Водах). Единственное исключение составляет ксенофобия по отношению к незнакомым. Она часто сопровождается недоверием в социальной сфере. Ожидание угрозы от абстрактных незнакомых провоцирует ограничение доверия не только в межличностных отношениях, но и ко всему социальному миру. Особенно это проявляется у таких категорий, как пенсионеры и школьники.

По индексу доверия все другие группы обгоняют школьники, но анализ отдельных шкал показал, что школьники – категория с высоким уровнем только социального доверия. У них резко разошлись показатели социального доверия, которое выше, чем у респондентов других статусно-возрастных категорий, и межличностного доверия, которое гораздо менее выражено, чем у всех остальных групп. Недоверие возникает у подростков не в социальной сфере – из всех групп они

наиболее открыты для социальных взаимодействий, склонны доверять социальным институтам и агентам, в том числе и по причине того, что в данном возрасте область социальных отношений не столь актуальна. Недоверие возникает у подростков в той сфере, которая для них наиболее важна – в межличностных отношениях, конкретных контактах с другими людьми. Элитарность категории «Мы», характерная для школьников, значительно сужает круг тех, кому можно доверять.

С возрастом уровень межличностного доверия растет, а социального (по сравнению со школьниками) резко уменьшается и остается приблизительно одинаковым в разных статусно-возрастных группах. Наиболее гармоничная группа с точки зрения соотношения социального и межличностного доверия – это студенты.

По уровню социального доверия особенно яркие различия наблюдаются между респондентами с неоконченным высшим или с высшим образованием и респондентами, имеющими среднее образование. Люди, принадлежащие к первой группе, значительно менее доверяют социальным структурам, чем люди со средним образованием. Самый низкий уровень социального доверия продемонстрировали респонденты с высшим образованием до 40 лет. В качестве одного из объяснений такого влияния фактора образования может рассматриваться большая критичность у людей с высшим образованием к социальным агентам и институтам.

Гендерные различия также проявляются именно на уровне социального доверия. Мужчины больше отождествляют себя с социальным миром (миром политики, прежде всего), считают себя включенными в него, женщины же чаще мыслят категориями семейного круга. Это одно из возможных объяснений, почему мужчины обладают большим социальным доверием. Они в 2 раза чаще, чем женщины отмечают чувство безопасности в своей стране, а женщины в большей степени чувствуют себя в безопасности в семье.

Эмоциональный фон

Эмоциональное состояние – немаловажный индикатор отношений человека к миру. Установки по отношению к различным группам всегда преломляются через призму эмоций. В данном исследовании мы не ставили задачу выявить эмоциональный компонент установок, а предполагали в целом диагностировать преобладающий эмоциональный фон жителей больших городов и выяснить, оказывает ли он влияние на показатели толерантности, ксенофобии и доверия. Для оценки эмоционального состояния, респондентам был предложен список из 35 эмоций (15 позитивных и 20 негативных), из которых можно было выбрать 5. В целом рейтинг эмоций выглядит следующим образом: на первом месте надежда, ее

испытывают 44% опрошенных, любовь занимает второе место (34,1%), следом идет чувство тревоги (30,8%), дальше следуют вера (26,9%), интерес (25,2%), радость (22,5%), но за ними почти вплотную – неуверенность (19%), разочарование (18,4%), обида, беспомощность, недоверие и гнев

Такой рейтинг выглядит вполне оптимистично, но при сравнении выборов всех позитивных и всех негативных эмоций в целом разница оказывается совсем небольшой, а лидерство в рейтинге позитивных эмоций достигается за счет того, что, выбирая положительные эмоции, люди оказываются более солидарны, спектр же негативных эмоций значительно шире. Математическая обработка позволила выделить следующие аффективные комплексы: комплекс тревоги (тревога, страх, беспомощность, неуверенность), комплекс вины (вина, стыд), комплекс агрессии (гнев, злость, ненависть). Они были использованы при анализе связей между эмоциональным состоянием и другими показателями.

Исследование показало, что положительные эмоции сопровождаются более высоким уровнем межличностного доверия, в меньшей степени социального, и низким уровнем ксенофобии к незнакомым. Негативные эмоции действуют противоположным образом: особенно снижает доверие аффективный комплекс тревоги (тревога, беспомощность, неуверенность, страх).

Литература

- Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия. Психологические исследования, 2012, 5(26), 1. URL: <http://psystudy.ru>
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
- Андреева Г.М. Социальная психология. Аспект-пресс 2009.
- Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы М.: Просвещение, 2012
- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Белинская Е.П. Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. Академия 2009.
- Белинская Е.П., Дубовская Е.М. Изменчивость и постоянство как факторы социализации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5 (7).URL: <http://psystudy.ru>
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

Гребенникова О.В. Социальная интеракция дошкольников в процессе их социализации. Феноменология современного детства: сб. науч. ст. В 3 ч. / под ред. Т.Д.Марцинковской. Ч. 3. Социальная ситуация развития детей и подростков. М.: Федеральный институт развития образования, 2013.

Иванова И.В. Влияние переживаний на развитие личностной идентичности у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Автореф.дисс.на соискание ученой степени кандидата психологических наук М. 2001.

Изотова, Е.И. Особенности отражения современных реалий детской субкультуры в изобразительной деятельности (свободном рисунке) дошкольников и младших школьников / Е.И. Изотова // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные решения. М.: МОДЭК, 2013. – № 1.

Категория переживания в психологии и философии . Монография М., Прометей, 2005

Категория переживания в психологии и философии. М.: Прометей, 2005

Концепция социализации и индивидуализации в современной психологии. М. Обнинск 2010.

Кончаловская М. М. Особенности становления личностной идентичности в дошкольном и младшем школьном возрасте. Автореф.дисс.на соискание ученой степени канд. психол. наук Москва, 2006

Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ. Психологические исследования, 2013, 6(30), 12. URL: [http:// psystudy.ru](http://psystudy.ru)

Марцинковская Т.Д. Феноменология и механизмы развития: историко-генетический подход. Психологические исследования, 2012, 5(24), 12. URL: [http:// psystudy.ru](http://psystudy.ru)

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков Мир психологии. № 3 2010

Методологические проблемы современной психологии – парадигмальный и междисциплинарный аспект. М., Смысл, 2005

Фельдштейн Д.И. Социализация и индивидуализация – содержание процесса социального взросления // Возрастная психология: Детство, отрочество, юность. Хрестоматия. М.: Academia, 2003.

Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М. ИНИОН РАН, 1995.

Хелкама К., Похьянхемо Е. Размышления о ценностях и общественной нестабильности // Константа в неопределенном и меняющемся мире / Под ред. Марцинковской Т.Д. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С.334-343

Хузеева, Г.Р. Динамика развития идентичности у детей дошкольного возраста / Феноменология современного детства: сб.науч.ст.в 3ч. / под ред. Т.Д. Марцинковской / Ч.2. Современная ситуация развития детей и под ростков. – М.: Федеральный институт развития образования. – 2013.

Хузеева, Г.Р. Особенности коммуникативной компетентности современных дошкольников. // Психология обучения. – М., 2014. – №11.